

А. Иванов

ФРИЦ ПЛАТТЕН

А. ИВАНОВ

ФРИЦ
ПЛАТТЕН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1963

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

14 января 1918 года Владимир Ильич Ленин возвращался с митинга. Неожиданно его автомобиль подвергся обстрелу. Сидевший рядом с Лениным товарищ успел пригнуть голову Владимира Ильича, и пули не задели Ленина. Но сам этот товарищ — швейцарский коммунист Фриц Платтен — был ранен. Фрицу Платтену, профессиональному революционеру, прожившему замечательную жизнь, целиком отданную борьбе за дело трудящихся, за социализм, и посвящена настоящая брошюра.

Автор книги научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС А. Иванов рассказывает о деятельности Платтена в Швейцарии, о том, как Фриц Платтен во время первой мировой войны познакомился с В. И. Лениным и на всю жизнь остался убежденным интернационалистом-ленинцем, об организации им переезда В. И. Ленина из Швейцарии в Россию в апреле 1917 года, об участии Платтена в создании Коммунистического Интернационала и Коммунистической партии Швейцарии.

Брошюра рассчитана на широкие круги советских читателей.

Издательство просит читателей присылать свои отзывы об этой брошюре и пожелания по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция литературы по международным вопросам.

НАЧАЛО ПУТИ

Фриц Платтен родился 8 июля 1883 года в небольшом швейцарском городке Таблат кантона Санкт-Галлен в семье столяра Петера Платтена. Вскоре семья Платтенов переезжает в Цюрих — самый крупный промышленный центр Швейцарии. Жизнь большого города являла собой полную противоположность жизни тихого провинциального городка. В Цюрихе более отчетливо проявлялось социальное расслоение, острую форму приняла классовая борьба, которую вели рабочие против фабрикантов и крупных торговцев. В борьбе росла сплоченность и организованность рабочих, повышалось их классовое самосознание.

В 1890 году, семи лет от роду, Фрица определили в народную школу, где он проучился восемь лет. Учение давалось ему легко, оставалось время и на мальчишеские забавы. Однако вместе с увеличением семьи (после него родилось еще 12 детей) росла и нужда. Нужно было помогать отцу — разве один отец мог прокормить семью.

И вот Фриц поступает в ремесленное училище, где готовились кадры рабочих для металлообрабатывающего завода «Эшер — Вейс и К^о». Ученики были разбиты на группы. Фриц попал в группу слесарей.

На заводе работало много иностранцев: итальянцев и немцев, французов и чехов, венгров и поляков, болгар и румын. Хозяева завода, ловко пользуясь разноплеменным составом рабочих, нещадно эксплуатировали

их. Не меньшей эксплуатации подвергались и ученики ремесленного училища, которые обучались и работали на заводе. Часто их заставляли трудиться сверх установленного времени: то уборка территории завода или цехов, то тяжелая физическая работа по ремонту машин и станков, причем без всякой оплаты.

Постепенно под влиянием передовых рабочих у ребят на многое открывались глаза, они начинали видеть противоположность интересов рабочих и хозяев и убеждаться в необходимости классовой борьбы, пролетарской солидарности и сплочения рабочего класса.

Фриц пристрастился к чтению социалистических газет, брошюр и книжек, которые приносил отец, и заметно выделялся среди своих сверстников начитанностью. Товарищи, зная его осведомленность, часто обращались к нему за советом по различным вопросам. Его избрали старостой группы учеников-слесарей и доверенным старост всех групп.

Однажды — это было на третьем году обучения — на заводе вспыхнула забастовка. К тому времени Фриц стал уже признанным вожаком учеников-ремесленников. 153 ученика во главе с Платтенем присоединились к забастовщикам. Впервые за время существования предприятия ученики приняли участие в забастовке. В результате Фриц Платтен был взят на заметку администрацией завода.

С тех пор Фриц становится деятельным участником рабочего движения. Как доверенное лицо старост он устанавливает тесную связь с профсоюзной организацией рабочих. Руководство Рабочего союза обратило внимание на способного паренька и все чаще давало ему поручения. Жизнь Платтена наполнялась новым содержанием, становилась интересной. Он видел, что нужен товарищам, рабочей организации.

Так пролетели еще два года. Платтену исполнилось 19 лет. Из учеников его перевели в цех слесарем-наладчиком. Вскоре, сблизившись с итальянскими рабочими, Платтен ненадолго увлекается анархизмом. Он не понимал тогда, какой вред приносит анархизм рабочему движению, его привлекала в нем сама идея борьбы против господствующего строя. Он не порывал связи и с

Рабочим союзом, систематически читал социалистическую литературу.

Как-то раз, придя на работу раньше обычного, Фриц принялся устранять неисправность в одном из станков. Он долго не мог наладить станок, начал спешить, а тут еще и мастер подгонял. В результате произошел несчастный случай — Платтен изувечил себе руку. Пришлось уйти с завода и подыскивать другую работу.

Впоследствии Платтен вспоминал об этом периоде своей жизни: «Работа на заводе оказала на меня большое влияние, так как моими учителями были прекрасные профсоюзные активисты, политически развитые товарищи».

Вскоре ему удалось устроиться на работу в городское управление Цюриха. Платтен постепенно отходит от анархизма. Как-то в печати он прочел о дискуссии с немецкими ревизионистами. Этот вопрос очень заинтересовал Платтена. Но самому трудно было разобраться во всем, и в 1904 году Фриц вступает в социалистический рабочий просветительный союз «Эйнтрахт» («Согласие»), а также в организацию эмигрантов «Интернациональные социалисты». Тут началась настоящая школа политической подготовки. В этот период Платтен с большим интересом изучает труды К. Маркса и Ф. Энгельса, знакомится с произведениями видных деятелей международного рабочего движения.

Впрочем, и сама жизнь была не меньшей школой, так как, будучи плотью от плоти рабочего класса, он каждодневно испытывал на себе все «прелести» капиталистического общества.

Платтен не пропускал ни одного собрания, лекции или диспута, жадно впитывал все услышанное там. Он и сам пробовал выступать перед рабочей аудиторией. Говорил Фриц простым, доходчивым языком, и рабочие охотно слушали его. Ему не приходилось подыскивать слова — выношенные в сердце, они сами так и просились на язык, а тема была подсказана самой жизнью: как сделать, чтобы всему трудовому люду жилось лучше. Ведь трудящиеся создают все полезное и нужное людям, все богатства, а пользуется ими небольшая горсточка эксплуататоров-паразитов, которые сами ничего

не производят. Подобные выступления доставляли Платтену огромное удовлетворение. Он чувствовал, что делает важное дело: помогает рабочим понять все их значение и роль в жизни общества.

Наступил 1905 год. В России началась революция.

Когда стало известно о вооруженном выступлении русского пролетариата в ответ на расстрел мирной демонстрации, Платтен всеми своими помыслами был в России, на стороне сражавшихся рабочих. Да, там развертывалась настоящая борьба, с оружием в руках, и он загорелся желанием стать ее участником. Все чаще приходила в голову мысль о поездке в охваченную революцией Россию...

Близилось 1 мая 1906 года. Рабочие организации Цюриха решили отметить международный пролетарский праздник массовой демонстрацией. Платтен горячо взялся за подготовку к революционному празднику: проводил беседы среди рабочих, знакомил их с историей зарождения международной солидарности трудящихся.

В рабочей среде царило оживление, росла сплоченность. Не на шутку встревоженные активностью рабочих, местные власти стремились во что бы то ни стало сорвать этот праздник. Предприниматели объявили, что все, кто примет участие в уличной демонстрации, будут уволены с работы. Социал-демократические лидеры, возглавлявшие комитет по подготовке празднования 1 Мая, в результате тайного сговора с предпринимателями и властями решили отменить демонстрацию, ограничившись небольшими собраниями местных рабочих организаций. Но рабочие не поддались на эту удочку и не пошли за соглашателями. В этом им немало помогли такие агитаторы, как Фриц Платтен. В знак протеста рабочие объявили забастовку, и предприниматели вынуждены были отступить, а оппортунистические рабочие лидеры стали срочно перестраиваться, чтобы окончательно не изолировать себя.

Ранним утром 1 мая 1906 года рабочие потянулись к своим предприятиям. Веселые, празднично одетые, они оживленно разговаривали, поздравляли друг друга с Первомаем. В 11 часов, построившись в колонны, двинулись к центру города. Демонстранты дружно пели рево-

люционные песни, ораторы произносили страстные речи. Шествуя во главе колонны с большим красным флагом, Фриц Платтен ощущал, как радостно бьется его сердце.

Выступление рабочих вызвало серьезную тревогу у правящих кругов. Было решено расправиться с наиболее опасными активистами. В их число попал и Платтен: вскоре после демонстрации его уволили из городского магистрата. Но, лишившись работы, Платтен с еще большим рвением продолжал революционную деятельность.

Через некоторое время ему удастся осуществить свое давнее желание. Установив связь с представителем латышской социал-демократии, Платтен решил нелегально отправиться в Ригу и принять там участие в революционной борьбе российского пролетариата. По просьбе латышских товарищей Фриц захватил с собой три револьвера и боеприпасы к ним. Он хорошо знал, что в прибалтийских губерниях, находившихся тогда на осадном положении, смертная казнь угрожала всякому, захваченному с оружием, но, несмотря на это, ни минуты не колеблясь, пустился в опасное путешествие.

По приезде в Ригу Платтену не удалось установить связь с социал-демократической организацией, так как все члены окружного комитета были арестованы. Оказавшись один в незнакомом городе, на нелегальной квартире, он все время думал о том, как бы связаться с социал-демократами.

Счастливым случай свел его с революционным деятелем Бурлаком, знавшим Платтена еще по Швейцарии.

Произошло это при весьма забавных обстоятельствах. Как-то Платтен шел по узкой улочке. Вдруг он почувствовал, что за ним наблюдают. По противоположной стороне улицы двигался какой-то человек и посматривал в его сторону. Платтен ускорил шаг, незнакомец тоже. Тогда Платтен свернул в первый же переулок, чтобы убедиться, следит за ним тот или нет. Да, так и есть! Он тоже свернул и идет за ним.

«Кажется, влип», — подумал Фриц. Он лихорадочно соображал, как улизнуть от преследователя. Но что это? Переулок кончается тупиком, и дальше идти некуда! Платтен оглянулся: человек шел следом, метрах в пятнадцати. В переулке ни души. Он решил: будь что

будет, — и, резко повернувшись, пошел навстречу преследователю. Тот продолжал идти вперед, и вот их взгляды встретились. Что-то знакомое мелькнуло в его облике. «Где же я его видел?» — мучительно вспоминал Платтен. А незнакомец остановился и улыбается.

— Если не ошибаюсь, господин Платтен? — спросил незнакомец по-немецки.

Платтен молчал, стараясь припомнить, где он мог видеть этого человека.

— Не узнаете? — снова спрашивает тот. — Вспомните Цюрих, наши встречи. Я — Бурлак.

Платтен растерянно уставился на него.

— Да ты не смотри на мою бороду, — улыбаясь, заметил Бурлак, — ведь я ее для того и отпустил, чтобы никто меня не узнал.

Только теперь Платтен узнал этого отважного человека, и сердце его радостно забилося. Уж он-то ему поможет! Действительно, Бурлак быстро все устроил, и вскоре Платтен стал профессиональным революционером в рядах латышской социал-демократии.

К тому времени революция в России была уже почти подавлена. Тысячи революционеров томились в тюрьмах. Работать приходилось в невероятно трудных условиях, смертельная опасность подстерегала на каждом шагу. В конце 1906 года латышские социал-демократы начали подготовку к V съезду Российской социал-демократической рабочей партии, в состав которой они входили. Платтену было поручено ответственное задание — снабдить латышских делегатов на съезд необходимыми документами. Задание партии Платтен выполнил успешно: все 29 делегатов от Социал-демократии Латышского края имели надежные документы.

В канун первомайского праздника 1907 года подпольная партийная организация Рижского окружного комитета активизировала свою деятельность. В подпольной типографии отпечатали первомайские листовки. В условиях дикого разгула реакции члены подпольной организации собирали передовых рабочих небольшими группами и проводили беседы о празднике международной солидарности трудящихся. Полиции удалось выследить некоторые явки, и 1 мая 1907 года были произведе-

дены аресты. Фриц Платтен в те дни часто посещал маленький книжный магазин Августа Ранке на Суворовской улице, являвшийся одной из нелегальных явок. Охранка установила за магазином наблюдение, чтобы выследить и захватить неуловимых подпольщиков. 16 мая, устроив засаду, полиция задержала 50 человек. После проверки документов и установления личности в ее лапах остались четыре человека, в том числе и Фриц Платтен. Начались допросы. Платтен обвинялся по статье 102, то есть в «принадлежности к преступной организации», которая силой оружия хотела свергнуть царский режим.

Тюрьма дала хорошую политическую закалку. Платтен встретил здесь верных товарищей, стойких борцов за народное дело. Это были твердые ленинцы, теоретически хорошо подготовленные революционеры. Беседы с ними помогли Фрицу глубже познать законы классовой борьбы, пути и способы достижения победы пролетариата.

Арест и обвинение по статье 102 ничего хорошего не сулили: Платтену грозила каторга на восемь — десять лет. Латышские товарищи решили спасти его. Вскоре удалось добиться его освобождения из-под стражи под крупный залог. Оставаться в Латвии было опасно, да и особой надобности в этом уже не было. И вот в марте 1908 года Фриц бежал и вскоре вернулся на родину. Снова обосновавшись в Цюрихе, он весь отдается работе в революционных интернационалистских организациях, распространяет революционную пропагандистскую литературу.

В Швейцарии в тот период проживало немало иностранцев-революционеров, в том числе и русских политических эмигрантов. Многие из них терпели серьезные материальные лишения. Кое-кто зарабатывал себе на жизнь литературным трудом, кое-кому посчастливилось устроиться на различные предприятия, а большинство перебивались случайными заработками, так как постоянную работу эмигрантам найти было очень трудно. Особенно бедствовали семейные.

Чтобы облегчить участь политических эмигрантов, создавались кассы помощи. Секретарем эмигрантских

касс стал Фриц Платтен. С его умением расположить к себе каждого, с кем ему приходилось встречаться, он больше, чем кто бы то ни было, подходил для этой роли. Стройная, ладная фигура, быстрый взгляд красивых карих глаз, прямой, чуть с горбинкой нос, правильно очерченные губы, мужественный подбородок — весь облик этого обаятельного человека с первого взгляда внушал уважение и доверие. Особенно запоминались его умные и пронизательные глаза. Они излучали какой-то душевный внутренний свет.

Платтен разъезжал по всей стране, устраивал лекции, рефераты, концерты, сборы от которых поступали в фонд помощи. Особенно широкий размах организация помощи политическим эмигрантам получила в годы первой мировой войны. Помощь оказывалась не только эмигрантам в Швейцарии, но и политическим заключенным в других странах. И немалая заслуга в этом Фрица Платтена, который оставался на посту секретаря касс помощи до 1920 года.

Работая в таких политических организациях, как «Интернациональные социалисты», объединение «Немецко-австро-венгерских социалистов», будучи членом союза «Эйнтрахт», куда входили в основном политические эмигранты, Платтен в то время не являлся еще членом Социал-демократической партии Швейцарии. Однако оживление рабочего движения в стране, а также интересы эмигрантских касс побудили его определить свою партийную принадлежность, и в 1911 году он становится членом Социал-демократической партии Швейцарии.

Как представительница рабочего класса, Социал-демократическая партия Швейцарии оказывала известное влияние на политическую жизнь страны. Созданная в 1888 году, она к 1911 году насчитывала свыше 22 тысяч членов и объединяла кантональные организации, пользовавшиеся значительной автономией. В Центральное правление (Партайфорштанг) входили представители кантональных правлений, депутаты социал-демократической фракции парламента, руководители партийной прессы и представители женских организаций. Повседневную текущую работу осуществлял Исполком (Гешефтслайтунг), состоявший из 10—20 человек,

Во главе партии стояли в основном представители старой партийной бюрократии, чуждые идеям революционной борьбы.

Руководство партии вело исключительно легальную политическую деятельность. Главную свою задачу оно видело в проведении избирательных кампаний, в борьбе за отдельные реформы, в руководстве экономическими стачками и забастовками.

Ежегодно созываемые съезды определяли круг деятельности партии на год. В особых случаях, когда в партии возникали разногласия по какому-либо вопросу, проводился референдум — всеобщий опрос. Решение большинства считалось окончательным и обязательным к исполнению.

Вступление Платтена в партию привело к усилению связей эмигрантских организаций с Социал-демократической партией Швейцарии. С этого времени агитационная и пропагандистская деятельность Платтена среди швейцарских рабочих, и прежде всего в Цюрихе, приобретает особенно энергичный характер. Популярный оратор и вожак рабочих, он завоевывает их любовь и авторитет.

В год вступления Платтена в партию в швейцарском рабочем движении произошли важные изменения. До 1911 года в социал-демократической партии существовало два центральных правления: одно — от партии, а другое — от Грютли-союза. Грютли-союз, основанный в 1838 году, представлял из себя буржуазно-реформистскую организацию. В 1901 году Грютли-союз вошел в состав Социал-демократической партии Швейцарии, но сохранил при этом свою организационную самостоятельность, свое правление и собственный печатный орган — газету «Грютлианер».

Отсутствие единого руководства пагубно отражалось на рабочем движении: вносило разнობой, несогласованность. Кроме того, социал-демократическая партия не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на профсоюзное движение, что вело к раздроблению сил пролетариата и было на руку его врагам.

В декабре 1911 года был принят новый устав, согласно которому в партии устанавливалось централизован-

ное руководство в лице ее Центрального правления. Местопребыванием Центрального правления был избран Цюрих.

К 1911 году оживилось движение молодежи, в связи с чем социал-демократическая партия и профсоюзы стали уделять ему больше внимания.

В Швейцарии до 1911 года молодежные организации возникали не в результате деятельности социал-демократической партии, а стихийно, что отрицательно сказывалось на их идейно-политической направленности. В молодежных организациях развивались анархистские тенденции.

Одним из инициаторов партийного руководства молодежным движением выступил Фриц Платтен.

В августе 1912 года при его деятельном участии были выработаны тезисы, послужившие основой для установления контакта между тремя организациями (социал-демократической партией, профсоюзами и союзом молодежи). Эти тезисы в дальнейшем были приняты на партийном съезде в Аарау.

Широкую известность Платтен приобрел во время всеобщей забастовки в Цюрихе в июле 1912 года. К тому времени он стал секретарем правления Социал-демократической партии Швейцарии. Платтен вел большую работу, неизменно проводя интернационалистскую политику.

В 1912 году рабочее движение в Швейцарии шло в гору. Пролетариат все решительнее становился на путь борьбы против эксплуатации и бесчеловечного обращения, в частности с рабочими-иностранцами.

Всеобщая забастовка цюрихских рабочих 12 июля 1912 года — одна из ярких страниц в истории рабочего движения Швейцарии. Началось с того, что слесари и маляры потребовали сократить им рабочий день и повысить заработную плату. Предприниматели отказались удовлетворить эти требования. В ответ рабочие объявили забастовку. Предприниматели решили привлечь к работе штрейкбрехеров. Однако в Швейцарии немного нашлось таких предателей. Тогда хозяева прибегли к услугам некоего Людвиг Коха в Гамбурге, специально поставлявшего штрейкбрехеров-профессионалов. Свои

кадры Кох вербовал главным образом из уголовников и других деклассированных элементов.

Для борьбы со штрейкбрехерами забастовщики представляли пикеты. Но власти по требованию предпринимателей специальным законом запретили пикеты.

В поддержку своих товарищей пролетариат Цюриха объявил всеобщую 24-часовую забастовку протеста. 12 июля жители города были удивлены необычной тишиной. Все замерло: не было видно ни трамваев, ни извозчиков, ни спешащих на работу людей. Расклеенные и разбросанные по всему городу листовки извещали о начале забастовки. К девяти часам утра на площади Гельвеция у здания Народного дома бастующие рабочие собрались на митинг протеста. После митинга состоялась массовая демонстрация.

Наиболее острую форму приняла борьба рабочих в районе крупнейшего предприятия города — газового завода. Утром под руководством Фрица Платтена около ворот собралась большая группа забастовщиков, чтобы не допустить на территорию завода штрейкбрехеров утренней смены. Тогда дирекция заставила ночную смену продолжать работу. Блокировав завод, бастующие отрезали его от внешнего мира. Только к вечеру полиции и солдатам удалось оттеснить рабочих.

Правительство, напуганное выступлением трудящихся, пошло на чрезвычайные меры. Срочно вызвав воинские части и введя их в город, оно ждало лишь повода, чтобы применить репрессии против бастующих. Но рабочие держались спокойно и организованно. Тогда власти прибегли к обычным методам. Были арестованы наиболее решительные руководители забастовки, в том числе Фриц Платтен. Их обвинили в организации восстания против конституционных властей. Однако под давлением рабочих лидеры забастовки вскоре были освобождены. По всей стране прокатилась волна митингов и собраний трудящихся, выражавших симпатии цюрихскому пролетариату и солидарность с ним. Созданный ими фонд помощи бастовавшим рабочим уже через месяц располагал суммой в 20 тысяч франков. Всеобщая цюрихская забастовка 1912 года убедительно показала рост классового самосознания рабочих, их организованности.

Левые силы в Социал-демократической партии Швейцарии во главе с Ф. Платтенем концентрировались в интернациональной организации «Эйнтрахт». Ее члены вели плодотворную пропагандистскую работу среди широких масс. Еще в 1911 году Платтен организовал при клубе «Эйнтрахт» политический комитет из наиболее революционно настроенных членов организации. Комитет поддерживал тесную связь с политическими организациями эмигрантов, организовывал выступления своих членов перед швейцарскими рабочими с докладами, лекциями и рефератами о положении рабочего класса в других странах. Часто устраивались вечера и концерты, сборы от которых поступали в фонд помощи политическим эмигрантам. С конца 1912 по март 1914 года самим Платтенем было прочитано около 150 рефератов и докладов, организовано три больших вечера, все сборы от которых пошли в фонд помощи политэмигрантам.

По инициативе Платтена 22 января 1914 года в зале цюрихского «Велодрома» в связи с девятой годовщиной первой русской революции был устроен большой вечер. Заполненный до отказа зал свидетельствовал об огромном интересе рабочего класса Швейцарии к революционному движению русского пролетариата. На вечер приехали представители из других населенных пунктов Швейцарии. С речами выступали швейцарские, итальянские и русские товарищи. В конце вечера хор рабочих с большим подъемом исполнил «Марсельезу». На вечере были зачитаны телеграммы из России, в которых сообщалось о прошедших забастовках в Петербурге, Риге и других городах России в связи с годовщиной революции 1905 года. Весь сбор от вечера поступил в фонд помощи русским эмигрантам.

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

Конец 1912 — начало 1913 года. Международная обстановка в Европе все более накалялась. Размежевавшиеся на два блока империалистические хищники искали лишь повод, чтобы вцепиться друг другу в глотку. В воздухе запахло порохом.

В международном социалистическом движении на первый взгляд все обстояло благополучно. На Штутгартском (1907 год), Копенгагенском (1910 год) и Базельском (1912 год) конгрессах II Интернационала в речах делегатов и в резолюциях немало говорилось о необходимости борьбы за предотвращение мировой войны, за тесное сотрудничество и международную солидарность пролетариата.

Но вот 1 августа 1914 года разразилась мировая война. Несмотря на принятые в свое время антивоенные резолюции, война застала социалистические партии врасплох. Все решения остались только на бумаге. Вслед за «дружным хором» выступлений против войны в мирное время последовал не менее дружный переход большинства социалистических лидеров на сторону своих правительств. Социал-шовинизм взял у них верх над интернационализмом. Международное объединение социалистов — II Интернационал — с началом военных действий фактически распалось, а его исполнительный орган — Международное социалистическое бюро — превратился в генерала без армии, в руководителя без руководимых.

Только небольшая группа подлинных революционеров во главе с В. И. Лениным осталась верна принципам пролетарского интернационализма.

Швейцария являлась нейтральной страной. Как невоюющая держава, она в еще большей мере, чем до войны, становилась убежищем для политических деятелей других государств. Отовсюду стекались они сюда, спасаясь от преследований на родине, чтобы иметь возможность продолжать свою революционную борьбу.

Это сказалось на положении самой Социал-демократической партии Швейцарии, роль которой в международном социалистическом движении сразу же возросла. Как и в других социал-демократических партиях, в ней выявились те же два направления по отношению к войне — правое, социал-шовинистское, выступавшее за милитаризацию страны и поддерживавшее идею защиты буржуазного отечества, и интернационалистское. К первому принадлежало большинство правления партии: Г. Грейлих, П. Пфлюгер, О. Ланг, И. Сигг и другие. Интернационалистское направление возглавил Ф. Плат-

тен. Вместе с ним шли в начале войны Ш. Нэн, Э. Нобс, Р. Гримм и другие. Но эти трое ограничивались одним лишь отрицательным отношением к войне, не предпринимая никаких практических действий против нее.

В партии развернулась упорная борьба между противоположными направлениями. Часть представителей левого крыла вскоре переметнулась на сторону правых, как это сделали Грабер, Нобс и другие. Особенно вредные последствия имело образование так называемого центра во главе с Р. Гриммом.

Когда началась война, Платтен особенно близко сошелся с представителями цюрихской секции большевиков М. М. Харитоновым, М. Г. Бронским и другими. К указанному времени относится и знакомство Ф. Платтена с В. И. Лениным, приехавшим из Австрии в Швейцарию. Это знакомство во многом определило всю дальнейшую жизнь и деятельность Ф. Платтена.

Старый большевик М. М. Харитонов, близко знавший Платтена и долго работавший вместе с ним в Цюрихе, писал в своих воспоминаниях: «В цюрихской организации среди швейцарцев, стоявших во главе социал-демократической партии, единственным человеком, который сохранил в себе революционное чутье, не подходил под обычный тип швейцарских партайбонцен (партийных бюрократов, которых буржуазия легко подкупала) и потому мог идти в унисон с новым настроением рабочих, был товарищ Фриц Платтен — секретарь партии. Положение товарища Платтена в швейцарской партии было совершенно своеобразным. Хотя он, при очень правом председателе, был секретарем правления партии — пост довольно высокий, но ему был отрезан путь к обычной для западноевропейских партий II Интернационала парламентской карьере.

Партийная бюрократия считала Платтена неподходящим (в душе они боялись дать ему ход) для большой парламентской деятельности. В глазах буржуазии Платтен был чем-то вроде люмпен-пролетария, который не может подняться до высокого понимания «общегосударственных задач» и которому поэтому в парламенте не должно быть места. Невыставление его имени в общих списках верхи партии всегда объясняли опасно-

стью провала: сочувствующие промежуточные элементы будут, мол, отпугнуты. Зато рабочие Цюриха любили Платтена. Никто на собраниях не пользовался у рабочих таким успехом, как Платтен, в котором рабочие инстинктивно чувствовали преданного их классу человека и который к тому же был прекрасным агитатором-массовиком, умевшим с первых же слов овладеть рабочей аудиторией».

Фриц Платтен явился одним из инициаторов открытого собрания организации «Эйнтрахт», принявшего накануне войны антивоенную резолюцию. С началом военных действий члены «Эйнтрахт» развернули антивоенную пропаганду, привлекая к этой работе наиболее решительных и последовательных интернационалистов. После переезда из Берна в Цюрих в феврале 1916 года деятельное участие в ней принимал и В. И. Ленин.

3 августа 1914 года на чрезвычайной сессии Федерального собрания Швейцарии обсуждался военный вопрос. Социал-демократическая фракция, насчитывавшая в то время 20 депутатов, плелась в хвосте событий и не выступила против милитаризации страны. Фракция вместе с буржуазными партиями проголосовала за предоставление военщине широких полномочий, одобрила военные кредиты.

Выступив на созванном 21 августа по требованию рабочих собрания представителей различных организаций и союзов, Платтен дал решительный отпор правым социал-демократам, обманывавшим массы идеями «защиты отечества». Он призвал рабочих сплотиться и усилить классовую борьбу против капиталистов, наживавшихся на военных поставках. Собрание приняло резолюцию о единстве рабочих, потребовало от рабочих лидеров решительнее отстаивать их интересы.

Война резко ухудшила условия жизни рабочих. В мирное время Швейцария жила в значительной мере за счет привозного сырья и продовольствия. Теперь же их ввоз прекратился, цены на продукты питания быстро поднимались, а заработная плата рабочих оставалась на прежнем уровне или даже снижалась. Росло недовольство масс.

Партийное руководство не могло не считаться с тре-

бованиями и настроениями трудящихся. Оно пыталось апеллировать к капиталистам, призывая их поделиться своими доходами с рабочими, не повышать цен на продукты питания. Но эти наивные призывы остались глазом вопиющего в пустыне.

Фриц Платтен занимал позицию непримиримой классовой борьбы против капиталистов. Его голос звучал на многих рабочих собраниях, где он разоблачал империалистический, грабительский характер войны. Война несла трудящимся горе и страдания, и поэтому антивоенная агитация и пропаганда, которую вели левые во главе с Ф. Платтеном, находила в их сердцах самый горячий отклик.

Став секретарем социал-демократической партии, Платтен продолжал работать в эмигрантских организациях. Как секретарь эмигрантской кассы, он должен был заботиться о ее пополнении и поэтому устраивал платные лекции, доклады, вскрывавшие истинную подоплеку мировой войны. Часто он сам выступал с докладами на различные темы, начиная с критики «научного выживания пота» капиталистами при помощи системы Тэйлора и кончая критикой анархистских идей швейцарца Фрица Брупбахера.

Важным событием в деятельности революционных интернационалистов Цюриха явился реферат В. И. Ленина «Война и социал-демократия», прочитанный им в конце октября 1914 года в Народном доме. Послушать известного руководителя российских большевиков собралось около 400 человек. Среди них было немало представителей социал-демократических партий разных стран. Бурные прения по реферату пришлось перенести и на следующий вечер. Очень многим в теоретическом отношении обогатился Ф. Платтен, прослушав реферат В. И. Ленина и его четкие, разящие силой своей логики возражения оппонентам. Теперь Платтен с еще большим рвением борется против войны и ее сторонников. В короткий промежуток времени он опубликовал в социал-демократической газете «Фольксрехт» несколько антивоенных статей, призывавших пролетариат усилить классовую борьбу, восстановить интернациональную солидарность трудящихся.

При ближайшем участии Ф. Платтена издавалась и распространялась по всей стране и за границей антивоенная литература. Большую помощь оказывал Платтен цюрихской секции большевиков в издании революционной пропагандистской литературы, предназначенной для отправки в Россию.

Как секретарь социал-демократической партии, Платтен был тесно связан с местной цюрихской партийной организацией. Война привела к ослаблению работы в парторганизации Цюриха, связи руководства с партийными секциями нарушились, и в результате число членов партии уменьшилось, а некоторые секции совсем распались. Чтобы сохранить боеспособную партию в Цюрихском кантоне, нужно было усилить агитационно-массовую работу и принять другие конкретные меры.

Фриц Платтен горячо взялся за налаживание партийной работы. 14 февраля 1915 года в Цюрихе состоялась конференция представителей партийных секций, Рабочего союза и Союза работников. Платтен сделал на ней доклад об улучшении агитационной работы, о налаживании более тесной и живой связи между этими организациями рабочих. После конференции было создано Объединенное общество социалистов Цюрихского кантона, правление которого возглавил Платтен. Результаты сказались очень быстро. К июлю 1915 года к этому обществу присоединилось уже более 60 секций с 5030 членами. Сфера агитационной деятельности расширилась. Правление общества разделило весь кантон на шесть районов и за каждым из них закрепило по одному члену правления, ответственному за всю агитационную работу в данном районе. Связь с местными организациями становилась более тесной и живой, стали известны их нужды, требования, настроения. В результате не только прекратился распад секций, но и стали возникать новые.

В стране ширилось недовольство милитаризацией и дороговизной, продовольственными затруднениями. К 1915 году иллюзии «гражданского мира» быстро рассеивались. Трудящиеся, убедившись, что с капиталистами никакого «гражданского мира» быть не может, все чаще поднимались на борьбу за свои права.

Особенно активно выступали против милитаризации

и войны, против дороговизны молодежные организации, возглавлявшиеся в то время в Швейцарии Вилли Мюнценбергом. Молодежный союз был тесно связан с организацией «Эйнтрахт».

1 мая 1915 года в Цюрихе состоялась внушительная демонстрация молодежи. Свыше тысячи юношей и девушек с пением «Интернационала», с красными знаменами прошли по улицам города. Они несли транспаранты с лозунгами «Долой войну!», «Долой вооружение!» Когда полиция попыталась разогнать демонстрацию и арестовать ее организаторов, на помощь демонстрантам пришли молодые рабочие и работницы, не принимавшие в ней участия. Полиции пришлось отступить.

3 октября 1915 года более чем в 50 городах и местечках 25 тысяч юношей и девушек выразили гневный протест против войны и капитализма, демонстрируя свою решимость бороться за свободу и мир.

Фриц Платтен принимал непосредственное участие в руководстве движением молодежи.

Отсутствие международного органа, который бы объединил социалистическое движение и придавал ему во всех странах антивоенную направленность, отрицательно сказывалось на эффективности борьбы социалистов-интернационалистов против войны. С каждым днем все настоятельнее становилась необходимость восстановления интернациональных связей социалистических партий.

В конце 1914 года состоялись предварительные совещания швейцарских и итальянских социалистов, на которых было решено созвать международную конференцию социалистов-интернационалистов, выступающих против войны. Так было положено начало известному циммервальдскому движению.

5 сентября 1915 года в деревне Циммервальд, близ столицы Швейцарии Берна, начала свою работу международная социалистическая конференция, ставившая целью объединение сил интернационалистов всех стран для совместных действий против войны.

В работе конференции приняли участие 38 делегатов из 11 стран: Германии, Франции, Италии, России, Польши, Румынии, Болгарии, Швеции, Норвегии, Голландии и Швейцарии. Крупнейшие партии II Интернационала —

германская социал-демократическая партия и французская социалистическая партия — официально не участвовали в конференции.

По своему составу конференция оказалась довольно пестрой. Наряду с убежденными марксистами там были неустойчивые социалисты, колеблющиеся в сторону центра, элементы, не покончившие еще с пацифизмом, сторонники реформизма и синдикализма.

Правление Социал-демократической партии Швейцарии большинством голосов также решило официально не посылать своих делегатов на конференцию, но предоставить членам правления, желающим участвовать в ней, полную свободу действий. От швейцарской социал-демократической партии участниками конференции были Ф. Платтен, Ш. Нэн, Р. Гримм и Э. Грабер.

В работе первой международной социалистической конференции деятельное участие принимали представители ЦК РСДРП во главе с В. И. Лениным.

На конференции сразу же выявились расхождения по вопросу о тактике социалистов-интернационалистов в борьбе против войны, за сплочение интернационалистских сил. Большинство участников конференции стояли на центристских, каутскианских позициях, и только восемь делегатов во главе с В. И. Лениным занимали интернационалистскую позицию, решительно осуждая социал-шовинизм. Эти делегаты образовали группу, вошедшую в историю под названием Циммервальдская левая. Правда, и в этой группе до конца последовательную позицию занимали только большевики во главе с В. И. Лениным.

Фриц Платтен был деятельным участником Циммервальдской левой.

Готовясь к первой международной социалистической конференции в Циммервальде, В. И. Ленин написал брошюру «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)». Владимир Ильич добивался, чтобы к моменту созыва конференции брошюра была напечатана. Большую помощь в этом оказал В. И. Ленину Фриц Платтен, взявший на себя заботу об ее издании на русском и немецком языках. И брошюра вышла в свет к открытию конференции, где ее вручили каждому участнику.

Циммервальдская левая выступила с собственным проектом резолюции, в котором говорилось об отказе от лозунгов «защиты отечества» и «гражданского мира», о пропаганде революционных действий пролетариата.

Несмотря на свою малочисленность, Циммервальдская левая оказала влияние на решения конференции. Благодаря настойчивости В. И. Ленина и других левых в манифесте, принятом конференцией, война была квалифицирована как империалистическая, грабительская, а также отмечалось, что социалистические партии ведущих стран (Англии, Франции, Германии) нарушили священный долг рабочих партий и стали на сторону своих правительств в империалистической войне.

Но безоговорочно присоединиться к манифесту и резолюции Циммервальдской конференции левая группа не могла в силу их половинчатости: в них не получили достойного осуждения социал-шовинизм и буржуазный лозунг «защиты отечества». Циммервальдская левая приняла особое заявление по поводу голосования за компромиссный манифест.

Таким образом, на Циммервальдской конференции было положено начало объединению международных интернационалистских сил, выступавших против империалистической войны.

После конференции, когда были обнародованы ее манифест и другие документы, в швейцарской социал-демократической партии, как и в социалистических партиях других стран, началось их оживленное обсуждение. Сразу же определились как сторонники правых — ярых противников решений Циммервальдской конференции, так и левых, приветствовавших Циммервальд.

Рядовые члены партии раньше недоумевали, почему партия официально не приняла участия в работе конференции. Теперь, обсуждая решения конференции, они видели, что большинство правления партии не желало руководствоваться этими решениями.

Меньшинство правления во главе с Ф. Платтенем вело борьбу за признание решений конференции, за претворение их в жизнь. Собрания многих местных партийных организаций тоже высказывались в пользу решений Циммервальда.

Бурно проходило обсуждение циммервальдских решений на собрании цюрихской партийной организации 18 октября. Старые партийные бюрократы — Грейлих, Сигг, Пфлюгер и другие — из кожи лезли вон, чтобы похоронить решения Циммервальдской конференции. Но левые во главе с Платтенем в своих выступлениях дали решительный бой и одержали победу. Рядовые члены партии поддержали выдвинутый Платтенем лозунг: «С лидерами, если они хотят; без них, если они не хотят; против них, если это будет необходимо!». Под бурные аплодисменты Платтен заявил, что с социал-шовинистами надо поступать так же, как поступают со штрейкбрехерами. За циммервальдские решения проголосовали 229 участников собрания, против — всего 44 человека.

В Берне рабочие также высказались за Циммервальд и выразили недовольство тем, что партия официально не участвовала в конференции. Участники конференции Платтен, Нэн, Гримм стали самыми популярными ораторами у рабочих.

В эти дни Платтена можно было видеть на многих партийных и профсоюзных собраниях, где он рассказывал о работе Циммервальдской конференции, давал правильную оценку событиям и умело, доходчиво разъяснял цели и задачи социалистов в борьбе за мир, за восстановление интернационалистских связей рабочих партий. Всюду, где выступал в эти дни Платтен, рабочие высказывались за признание циммервальдских решений.

Но правое большинство правления партии продолжало проводить свою линию, добиваясь того, чтобы партия отмежевалась от решений Циммервальдской конференции. Еще 15 октября 1915 года 8 из 12 членов Исполкома партии опубликовали заявление, в котором отказывались признать Циммервальдскую конференцию и, следовательно, руководствоваться ее решениями. Конечно, они не могли вообще игнорировать Циммервальд, ибо совершенно иное отношение к нему сложилось у большинства рядовых членов партии. Однако оговорки правых сводили на нет значение манифеста и резолюции конференции. Правые заявляли, например, что Социал-демократическая партия Швейцарии лишь в том случае

признает Циммервальдскую конференцию, если последней удастся «объединить все братские партии и привести их к взаимопониманию между собой», то есть, иначе говоря, примирить в условиях империалистической войны оппортунистических и социал-шовинистических лидеров партий воюющих стран. Более чем очевидно, что подобная затея была заранее обречена на провал.

В противовес правому большинству Исполкома партии выступили члены Исполкома Платтен и Фогель. Они опубликовали заявление, в котором особо подчеркивалось, что война ведется в интересах монополистического капитала, за рынки сбыта, за источники сырья, за захват новых земель. Далее говорилось, что рабочие партии оказались не на высоте и изменили интересам пролетариата, став на сторону своих правительств, проводя политику «защиты буржуазного отечества». Платтен и Фогель призывали объединить интернационалистские силы в борьбе против империалистической войны и капитализма, порвать с социал-шовинистами и горячо приветствовали решения Циммервальдской конференции.

В ходе развернувшейся дискуссии встал вопрос о созыве партийного съезда, который должен был подвести ее итоги и выявить мнение всей партии.

Съезд Социал-демократической партии Швейцарии открылся 21 ноября 1915 года в Аарау. 505 делегатов пользовались правом решающего голоса. В их числе находился представитель РСДРП член организации «Эйнтрахт» М. М. Харитонов. Важнейшим из обсуждавшихся на съезде был, разумеется, вопрос об отношении партии к Циммервальдскому объединению интернационалистов. Съезд стал ареной острой борьбы между тремя направлениями: во-первых, открытыми противниками Циммервальда — правое большинство правления партии (Грейлих, Пфлюгер, Ланг и другие); во-вторых, правыми циммервальдистами (центрист Гримм и его сторонники) и, в-третьих, левыми циммервальдистами (Платтен и другие). На обсуждение съезда были вынесены три проекта резолюций: 1) цюрихской партийной организации, приветствовавший Циммервальдскую конференцию и предлагавший присоединиться к ее решениям; 2) нейенбургской партийной организации, почти дословно

повторявший цюрихский проект, но имевший весьма существенное дополнение, сформулированное следующим образом: «Партия выражает всем товарищам в воюющих странах, оставшимся верными принципам Интернационала и классовой борьбы, свои сердечные симпатии. Партия добивается мира на основе высказанных Циммервальдской конференцией принципов и убеждена, что этот мир может быть достигнут не путем продолжения войны, а только путем революционных действий рабочего класса»; 3) проект правого большинства правления партии, отвергавший решения Циммервальдской конференции.

Левые силы на съезде не были объединены и поэтому не подготовили совместный согласованный проект резолюции, чем и воспользовался Р. Grimm. В результате его закулисных маневров нейенбургская делегация сняла свое дополнение и присоединилась к цюрихскому проекту. Но тут выступил М. М. Харитонов. Он внес предложение оставить нейенбургское дополнение.

Правые перешли в наступление. Речь одного из видных правых лидеров, О. Ланга, состояла сплошь из резких нападок на левых. Это побудило Платтена выступить сразу же после него. «Товарищ Платтен, — вспоминал М. М. Харитонов, — в очень деловой, спокойной и содержательной речи поддержал поправку, исчерпывающе ее мотивировал (моя мотивировка для той аудитории была явно недостаточной), развил точку зрения Циммервальдской левой». Успех речи Платтена, вызвавшей бурные аплодисменты, заставил Grimma быстро перестроиться, ибо стало очевидно, что большинство съезда не пойдет за ним. Он выступил вслед за Платтеном с довольно туманной речью, в которой говорил, что вряд ли, мол, есть нужда принимать дополнение, если сами нейенбуржцы сняли его. Но поскольку его вновь внесли и против него выступили правые, новое отклонение может быть истолковано так, будто вся партия против Циммервальда. Поэтому он, Grimm, будет голосовать за дополнение.

За дополнение проголосовали 258 делегатов, против — 141, а за всю резолюцию в целом — 330 человек, против — 51.

Не менее важной явилась и победа левых, одержанная во время выборов Исполкома партии. Теперь уже они имели в Исполкоме не 3 места из 12, как раньше, а 9 из 17. Трое из этих девяти — левые циммервальдисты (Платтен, Робман и Нобс), трое других (Нэн, Шмидт, Грабер) близко стояли в то время к ним, и трое остальных (Гримм и примкнувшие к нему Штудер и Фогель) — примиренцы-центристы.

Вместе с тем съезд показал, что в самом лагере левых нет полного единства, крепкой организованности. Это особенно проявилось после съезда, когда левым необходимо было закрепить одержанную победу.

Здесь сказался и один серьезный недостаток Платтена — слабая организаторская деятельность. М. М. Харитонов писал в этой связи: «Он был больше политическим агитатором-массовиком, чем организатором. Не раз ему удавалось на собраниях выйти победителем и собрать за свою резолюцию большинство исключительно благодаря своим личным выступлениям, но почти никогда он этих побед организационно не закреплял, ибо не умел организовать своих единомышленников, тогда как в лагере правых было много очень способных и ловких организаторов, которым не раз удавалось свести на нет победы Платтена».

В. И. Ленин дал высокую оценку съезду Социал-демократической партии Швейцарии в Аарау и особо подчеркнул, что левые должны неустанно бороться за претворение в жизнь его решений. Однако левые так и не сумели закрепить свой успех.

После съезда борьба в партии по вопросу об отношении к циммервальдским решениям не только не затихла, а, наоборот, еще более обострилась. Ф. Платтен продолжал выступать перед рабочими с отчетами о Циммервальдской конференции, об итогах недавно закончившегося съезда. Популярность Платтена в массах росла с каждым днем.

В то же время Гримм все больше скатывался вправо и тянул за собой других неустойчивых деятелей, таких, как Фогель, Грабер, Штудер. Наряду с этим развили интенсивную закулисную деятельность правые. Они сплачивали свои силы и готовились дать бой левым по корен-

ным вопросам тактики социал-демократической партии в период войны.

В начале 1916 года встал вопрос о созыве второй Циммервальдской конференции. Правые не жалели усилий, чтобы опорочить циммервальдское движение. На какие только уловки и провокации они не шли!

Пытаясь скомпрометировать левых, и особенно Платтена, они не гнушались самой грязной клеветой. Правые, например, опубликовали в газете «Грютлианер» заметку, в которой обвиняли Платтена в том, будто он в начале войны, ликвидируя дела распавшихся партийных секций, присвоил себе деньги из партийной кассы.

Платтен действительно был уполномочен правлением партии обследовать местные партийные секции, но вся документация, а также партийная касса были сданы им в правление партии, на что имелись соответствующие документы. Платтену не стоило большого труда опровергнуть фальшивку правых и еще раз посадить их в лужу.

В феврале 1916 года из Берна в Цюрих приехал В. И. Ленин. Он писал в то время свою замечательную книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма», и в Цюрих его привела необходимость пользоваться фондами богатой Цюрихской библиотеки. Кроме письменного заявления местным властям Ленину, как иностранцу, для получения права на жительство нужно было заручиться письменным поручительством одной из местных организаций. Фриц Платтен от имени поручительского комитета Социал-демократической партии Швейцарии с большим удовольствием поручился за В. И. Ленина.

С приездом Владимира Ильича заметно оживилась работа левых элементов цюрихской партийной организации. Швейцарское рабочее движение во время первой мировой войны занимало большое место в трудах В. И. Ленина. Ленин аккуратно посещал все собрания интернационалистской организации «Эйнтрахт», где часто встречался с Ф. Платтенем, бывал на партийных собраниях, так как являлся членом Социал-демократической партии Швейцарии. Большой интерес В. И. Ленин проявлял к молодежному движению в стране.

24—30 апреля 1916 года в Кинтале, неподалеку от Берна, состоялась вторая конференция циммервальдистов. В ней приняли участие 43 делегата из 10 стран Европы: России, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Польши, Норвегии, Австрии, Сербии и Португалии.

На этой конференции Социал-демократическая партия Швейцарии участвовала уже официально. Ее представляли Платтен, Нобс, Агнес Робман, Гримм и Грабер, а также Мюнценберг в качестве представителя молодежи. Первые три делегата по всем вопросам шли с Циммервальдской левой. По отдельным вопросам к ней примыкали также Грабер и Мюнценберг.

В результате деятельности большевиков во главе с В. И. Лениным до конференции и в ходе нее, пропагандистской работы, проделанной другими представителями Циммервальдской левой, в частности швейцарскими товарищами, левое крыло на ней оказалось сильнее, чем в Циммервальде. Теперь Циммервальдская левая насчитывала 12 делегатов, а по некоторым вопросам собирала до 19 голосов. Это показывало, что соотношение сил в международном рабочем движении менялось.

Конференция обсудила следующие вопросы: 1) борьба за окончание войны, 2) отношение пролетариата к вопросам мира, 3) агитация и пропаганда, 4) парламентская деятельность, 5) массовая борьба, 6) созыв Международного социалистического бюро.

Особенно упорная борьба развернулась на конференции по вопросу об отношении к созыву Международного социалистического бюро (МСБ). Левые настояли на включении в резолюцию, «осуждавшую деятельность МСБ, но не отвергавшую возможности его созыва, добавления о том, что, в случае созыва МСБ, должна быть созвана расширенная Интернациональная социалистическая комиссия для обсуждения вопроса об общем выступлении представителей Циммервальдского объединения»¹.

Хотя Кинтальская конференция и не приняла основных положений Циммервальдской левой — о превращении империалистической войны в гражданскую, о пора-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 27, стр. 513.

жении в войне своих правительств, о создании III Интернационала, она все же представляла значительный шаг вперед. Ее манифест, несмотря на несколько компромиссный характер, был тем не менее революционнее циммервальдской резолюции.

Циммервальдская левая поставила перед собой цель: как можно шире довести до сведения трудящихся масс решения Кинтальской конференции, заостря вместе с тем внимание на их половинчатом, компромиссном характере. Важные задачи вставали, в частности, перед швейцарскими левыми. В политической жизни Швейцарии происходили изменения в сторону дальнейшей радикализации масс. Растущая нужда усиливала недовольство рабочего класса. Это создавало благоприятную обстановку для успешного распространения революционных идей, пропаганды решений Кинтальской конференции.

Незадолго до Кинтальской конференции Платтен был избран депутатом Большого городского совета Цюриха. Депутатские обязанности прибавили много новых забот. Кроме того, для подготовки празднования 1 Мая правление партии выделило докладчиков, в число которых был включен и Платтен. С первомайским докладом он выступал в Цюрихе и других местах. За день до начала конференции в Кинтале Платтен выступил на съезде Союза швейцарских рабочих деревообрабатывающей промышленности с большим докладом «О положении и задачах профсоюзов после войны». Бурные аплодисменты вызвало на этом съезде его заявление о том, что профсоюзы должны порвать с лидерами и функционерами, выступающими за милитаризацию страны.

Возглавляя правление Объединенного общества социалистов Цюрихского кантона, Платтен деятельно руководил партийно-массовой агитацией и пропагандой. 14 мая 1916 года в Народном доме состоялось ежегодное собрание делегатов общества. С отчетом выступил Ф. Платтен. Подчеркнув, что за отчетный период в результате успешной агитационно-массовой работы число членов общества увеличилось на тысячу человек, он указал на необходимость и впредь множить и укреплять ряды общества, еще решительнее бороться против войны.

Платтен по-прежнему находил время и для поездок по стране с докладами и рефератами.

Особенное внимание Платтен уделял пропаганде идей Циммервальдской левой, то есть идей борьбы против империалистической войны, восстановления и упрочения интернационалистских связей социалистов всех стран. С каждым днем росла его непримиримость к правым социал-патриотам, к центристам во главе с Гриммом.

По инициативе Платтена в июле 1916 года в Цюрихе состоялось весьма оживленное собрание по вопросу о тактике социал-демократической фракции Национального совета. После горячих выступлений Платтена и других социал-демократов была принята резолюция, осуждавшая реформистскую деятельность фракции, причем не только ее правого крыла, но и возглавлявшегося Гриммом центра.

В своей революционной пропагандистской работе левые все чаще сталкивались с вредной оппортунистической практикой центристов. Поэтому они не жалели усилий для разоблачения последних. Гримм и его сторонники намеревались бороться с дороговизной путем выступлений депутатов социал-демократической фракции в Национальном совете, взывая к благоразумию капиталистов. Напротив, Платтен призывал, всемерно используя недовольство рабочих, готовить их к революции. На словах центристы восторженно относились к действиям таких депутатов социал-демократов, как Карл Либкнехт, голосовавших в своих парламентах против военных кредитов, но дальше славословий они не шли. Платтен же говорил: «...для нас, швейцарцев, действия Либкнехта должны быть не объектом культа, а примером для наших собственных действий». Платтен подчеркивал, что в партии борются три направления: социал-шовинисты, находящиеся не только в Грютли-союзе, но в большом количестве и в самой партии, затем центр, пацифисты, отказывающиеся от борьбы, и левые, солидаризирующиеся с Циммервальдской левой группой.

Гримм, питавший пацифистские иллюзии, думал, будто ноты американского президента Вильсона могут

принести мир. Платтен же считал, что единственное средство помешать заключению империалистического мира за счет рабочего класса — это свержение правительств.

4 ноября 1916 года в Цюрихе открылся очередной съезд Социал-демократической партии Швейцарии, на котором присутствовало 344 делегата. На съезд прибыли представители зарубежных социал-демократических партий. В качестве почетного гостя от ЦК РСДРП присутствовал В. И. Ленин, выступивший с приветственной речью.

Большинство делегатов составляли левые. Это обстоятельство предопределило характер работы съезда. Будь левые организационно объединены, они одержали бы более внушительную победу.

Обсуждавшиеся вопросы затрагивали важные экономические и политические стороны жизни страны. Первый вопрос повестки дня съезда касался деятельности социал-демократической фракции в Национальном совете.

Действия социал-демократической фракции в Национальном совете подверглись резкой критике. В речах левых отмечалось, что она действует в Национальном совете независимо от партии, не выполняет ее решений, слабо, а то и вовсе не защищает интересы рабочего класса. В самой фракции нет единства.

Фриц Платтен в своей речи потребовал, чтобы представители пролетариата в парламенте отстаивали интересы тех, кто их послал туда. Социал-демократический депутат должен выполнять свое торжественное обещание служить делу рабочего класса. Правление партии, отмечал Платтен, не осуществляет должного контроля над деятельностью фракции. Съезд должен обязать социал-демократических депутатов в Национальном совете решительно выступать против милитаризма и войны, против военных кредитов. Платтен призвал делегатов съезда голосовать за резолюцию, внесенную цюрихской партийной организацией, в которой говорилось, что на деятельности социал-демократической фракции пагубно отражается отсутствие единства, что были случаи, когда отдельные ее члены голосовали вместе с буржуазными депутатами против своей фракции.

Партийный съезд в своем постановлении потребо-

вал от социал-демократической фракции в Национальном совете единства действий в революционной классовой борьбе в интересах трудящихся масс, обязал ее поддерживать тесный контакт с правлением партии. Съезд подчеркнул также, что на предстоящих выборах в Национальный совет необходимо выдвигать только таких кандидатов, которые обязуются действовать в парламенте согласно решениям партии.

В решении о Грютли-союзе, который занимал социал-шовинистские позиции, подчеркивалось, что пребывание в нем несовместимо с членством в социал-демократической партии.

В состав избранной съездом специальной комиссии для подготовки проекта резолюции по военному вопросу к предстоящему съезду вошел с совещательным голосом и Платтен, принявший активное участие в ее работе. Он написал свои тезисы по военному вопросу, так как его не удовлетворяли оба проекта тезисов, выработанные двумя группами комиссии. Проект группы большинства был составлен в духе центристских тезисов Гримма, появившихся еще в июле 1916 года. Проект группы меньшинства имел социал-шовинистский характер и содержал пункт, обязывающий социал-демократов в случае войны «защищать отечество».

Анализируя в конце ноября 1916 года тезисы Ф. Платтена, В. И. Ленин оценил их весьма положительно. Читая место, где Платтен писал: «После того, как мировая война показала *способность капиталистических правительств на всякое преступление* (курсив В. И. Ленина. — А. И.) и после того, как им удалось путем искажения событий заставить пролетариат принять активное участие в этих убийствах и насилиях, перед социал-демократической партией встала необходимость пересмотреть свое отношение к милитаризму и к войне», В. И. Ленин на полях заметил: «Очень хорошо» — и сбоку отчеркнул два раза это предложение.

Там, где Платтен дает общую характеристику войне: «Всякая война является продолжением политики средствами грубого насилия, средствами милитаризма», В. И. Ленин снова два раза отчеркивает текст, ставит знак NB и пишет: «Очень хорошо».

Разоблачая первую мировую войну, Платтен указывал в своих тезисах: «Теперешняя мировая война — это борьба за сферы экономических интересов и за политическую гегемонию. Она является империалистической войной, которая ведется за политическую и экономическую эксплуатацию мира, за рынки сбыта, источники сырья, области приложения капитала и т. д.». И снова В. И. Ленин три раза отчеркивает этот абзац и дает оценку: «Очень хорошо».

Несколько позже В. И. Ленин написал специальную статью «Тезисы об отношении швейцарской социал-демократической партии к войне», в основу которой положил тезисы Ф. Платтена.

Предстоявший чрезвычайный съезд швейцарской социал-демократии, который должен был обсуждать военный вопрос, а также решения Кинтальской конференции, находился в центре внимания широкой общественности. Правые и центристы, предчувствуя, что на съезде им придется иметь дело с большинством, которое выступит против милитаризма и войны, против социал-шовинизма и военных кредитов, что он может завершиться полной победой левых, наиболее революционных сил швейцарской социал-демократии, прилагали все силы, чтобы не допустить этого. У них созрел коварный план — отложить съезд. Однако правым и центристам во главе с Гриммом не удалось сохранить в тайне свой замысел. Еще 5 января, за два дня до заседания Центрального правления партии, Ф. Платтен на общегородском партийном собрании в Цюрихе предупреждал, что в руководстве партии готовится срыв съезда и что партия должна занять твердую позицию. «Откладывание съезда означает отречение от Циммервальда и Кинталя», — заявил он.

В принятой собранием резолюции говорилось: «...партийное собрание протестует против закулисных махинаций в связи со съездом и расценивает намерения отложить съезд как признак подготовляющегося перехода социал демократии к политике социал-патриотизма».

Эта резолюция была принята большинством в 217 голосов против 34.

Тем не менее 7 января на заседании правления

партии правые, возглавляемые центристом Гриммом, провели решение об отсрочке съезда.

Фриц Платтен, выступивший на заседании с протестом против отсрочки съезда, остался в меньшинстве. На этот раз Гримм и его сторонники перешли в наступление. Социал-патриоты на все лады поносили левых, обвиняя их в авантюризме и раскольничестве.

7 января явилось поворотным пунктом в развитии внутривнутрипартийной борьбы в швейцарской социал-демократии. Было очевидно, что Гримм открыто изменил циммервальдскому движению.

Сама жизнь все чаще наталкивала швейцарских левых во главе с Ф. Платтенем на мысль о том, что для успешной борьбы с социал-патриотами и центристами, для действительной защиты интересов рабочего класса необходимо создать свою революционную организацию, свободную от соглашателей и оппортунистов. Но Платтен все еще не решался пойти на открытый и окончательный разрыв с ними. Он надеялся, что удастся сохранить единство и победить центризм и социал-шовинизм в партии, и в связи с этим не всегда был последовательным.

После 7 января Платтен и другие левые развернули активную деятельность. После того как было решено отложить чрезвычайный съезд, они выдвинули требование о проведении референдума в партии по поводу отсрочки.

23 января 1917 года в газете «Фольксрехт» было напечатано обращение инициативной группы по организации референдума, в которую входил и Платтен. В этом обращении объяснялась необходимость референдума, во время которого вся партия имела бы возможность высказать свое мнение.

В первых числах февраля Платтен выступил в газете «Фольксрехт» с большой статьей «Военный вопрос», в которой резко критиковал Гримма и правых за срыв съезда.

Вскоре кампания за референдум охватила широкие рабочие массы. И результаты не замедлили сказаться. Левым удалось форсировать созыв в Цюрихе кантонального партийного съезда (он состоялся 11—12 февраля 1917 года), на котором рассматривался военный вопрос. На голосование выносились два проекта резолюций — центристский (группы большинства) и группы меньшин-

ства. Делегаты съезда проголосовали за центристский проект. Левые, чтобы не допустить принятия проекта правых, голосовали за этот проект, но внесли написанное В. И. Лениным важное дополнение, осуждавшее социал-патриотизм и ориентировавшее революционное движение Швейцарии на социалистическое преобразование общества. Это дополнение было принято съездом, что означало большую победу левых сил швейцарской социал-демократии.

ПРАВДА О «ЗАПЛОМБИРОВАННОМ» ВАГОНЕ

Предвидение В. И. Ленина о том, что империалистическая война будет способствовать возникновению революционной ситуации, полностью сбылось. И в особенности это было характерно для царской России, являвшейся наиболее слабым звеном в цепи империализма. В феврале 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция. Прогнивший царский строй рухнул под напором революционного движения масс. Революция покончила с беззаконием и произволом царизма, а главное, втянула в водоворот политической жизни широкие народные массы. По всей стране возникали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Испугавшись размаха революции, буржуазия стремилась захватить власть в свои руки. При поддержке меньшевиков и эсеров, предавших интересы рабочих и крестьян, было создано буржуазное Временное правительство. Однако господство буржуазии не сулило рабочему классу освобождения от капиталистической эксплуатации, а крестьянам — избавления от гнета помещиков и кулаков. К тому же буржуазия продолжала вести опостылевшую народам империалистическую войну.

Надо было указать путь к полному освобождению от капитализма, к завоеванию власти рабочим классом и трудовым крестьянством.

В эти исторические дни присутствие в России В. И. Ленина было особенно необходимо.

В. И. Ленин все еще находился тогда в эмиграции, в Швейцарии.

Именно там застала его весть о Февральской революции. Вот как описывает этот момент Н. К. Крупская: «Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Bronский со словами: «Вы ничего не знаете?! В России революция!», и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах. Когда ушел Bronский, мы пошли к озеру; там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе. Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция».

С этого дня В. И. Ленин жил одной мыслью: ехать в Россию немедленно, дорог каждый час. Но как попасть туда? Идет война, и Россия участвует в ней, а вокруг нейтральной Швейцарии — воюющие страны.

К тому же и для Временного правительства вряд ли был желателен приезд большевиков, и особенно В. И. Ленина. Ведь они требовали покончить с империалистической войной, а Временное правительство и не помышляло о выходе из нее.

Союзникам России — Англии и Франции — возвращение в Россию деятелей, подобных Ленину, также не сулило ничего, кроме угрозы потери партнера по войне. Не случайно все интернационалисты были занесены ими в специальные черные списки. Зато социал-шовинисты доставлялись в Россию со всеми почестями и без всякой задержки. Плеханов, например, и 40 его единомышленников прибыли из Англии на крейсере в сопровождении эсминцев. И все это потому, что Плеханов и его спутники выступали за «защиту отечества», за войну до победы.

Одним словом, о легальном возвращении В. И. Ленина через Францию и Англию нечего было и думать, тем более что уже имелись случаи, когда там задерживали возвращавшихся в Россию противников войны. «Англия никогда меня не пропустит, — телеграфировал 30 марта 1917 года в Стокгольм Я. С. Ганецкому Владимир Ильич, — скорее интернирует. Милюков (в то время министр иностранных дел Временного правительства. — А. И.) надует»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 36, стр. 387.

Первая неосуществленная попытка В. И. Ленина вернуться в Россию имеет свою историю. Поскольку легальная поездка оказывалась невозможной, решено было воспользоваться услугами контрабандистов. В. И. Ленин сообщил о своем намерении в Стокгольм Я. С. Ганецкому. Вскоре М. Г. Бронский получил от Ганецкого следующую телеграмму: «Вышлите фотографию дяди (В. И. Ленина.— А. И.) в Берлин Георгу Скларацу, Тиргартенштрассе, 9».

Через некоторое время в Цюрихе появился и сам Скларац, который должен был нелегально переправить В. И. Ленина через Германию. Несомненно, нелегальный проезд был сопряжен с огромным риском, который состоял не только в возможности провала, но и в том, что контрабандисты могли оказаться просто шпионами. Тем более что сначала В. И. Ленин не знал, кто такой Скларац и чье поручение он выполняет.

Но вскоре выяснилось, что Скларац действовал по поручению социал-шовиниста Парвуса, прислужника германского империализма, нажившегося на спекуляциях во время войны. В письме от 30 марта 1917 года В. И. Ленин писал Я. С. Ганецкому: «Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю «Колокола», я, конечно, не могу (как известно, Парвус издавал журнал «Ди Глоке» («Колокол»).— А. И.). Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это — обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных»¹.

В. И. Ленин продолжает поиски путей возвращения на родину. Был план поездки под видом глухонемого шведа. Н. К. Крупская посмеивалась: «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация».

Сначала этот план казался наиболее подходящим. Но опять ничего не вышло, так как слишком рискованно было отправляться в подобное путешествие одному, а если с попутчиками, то за кого их выдавать — тоже за глухонемых шведов?

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 249.

Еще 19 марта В. И. Ленин послал в Женеву записку В. А. Карпинскому, своему старому другу и соратнику. В ней, в частности, говорилось:

«Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию*) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*.

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае»¹.

В тот же день в Берне состоялось частное совещание русских социал-демократов, обсуждавших все тот же вопрос о возвращении в Россию. Один из лидеров меньшевиков, Мартов, предложил попробовать добиться разрешения на легальный проезд через Германию в обмен на немецких военнопленных. Эта идея понравилась В. И. Ленину. Через одного знакомого корреспондента эмигранты прозондировали почву в германском посольстве в Берне, чтобы узнать, как отнесутся германские власти к этому плану. Выяснилось, что они готовы вступить в переговоры.

Но во избежание всяких подозрений в сделке с германским правительством и клеветнических выпадов со стороны враждебных элементов сами эмигранты и их комитет по возвращению не хотели иметь непосредственных сношений с немцами и вести переговоры. Решили обратиться за помощью к швейцарским социалистам. Ведение переговоров с германским послом в Берне Ромбергом взял на себя Роберт Гримм.

Вскоре было достигнуто принципиальное соглашение. Оставалось уточнить детали условий поездки. Но Гримм,

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 242.

будучи до мозга костей центристом, и тут начал вести соглашательскую политику: по желанию меньшевиков он стал затягивать переговоры, чтобы дожидаться согласия Милюкова на проезд через Германию.

В. И. Ленина возмущала напрасная трата времени: он не сомневался, что никакого согласия Милюков не даст. Ленин пришел к убеждению, что дальнейшее ведение переговоров необходимо поручить другому человеку. Выбор пал на левого циммервальдиста секретаря швейцарской социал-демократической партии Фрица Платтена.

2 апреля в кабинете Платтена раздался телефонный звонок. От имени В. И. Ленина его попросили приехать в интернациональный клуб «Эйнтрахт». Во время этой встречи В. И. Ленин обратился к Платтену с предложением быть доверенным лицом и сопровождающим группы политических эмигрантов, решивших первыми проехать на родину через Германию. После минутного раздумья Платтен дал согласие.

Вот что писал он об этой беседе с В. И. Лениным: «Как перед Лениным, так и передо мною вставал вопрос о политическом значении этого шага. У меня возникло сомнение, смогу ли я оказать Ленину эту партийную услугу, не отказавшись от своей должности секретаря швейцарской социал-демократической партии. Я должен был задать себе вопрос, не будет ли благодаря этой поездке моя дальнейшая партийная деятельность значительно затруднена. Я глубоко сознавал, что мой долг — оказать всяческое содействие возвращению в Россию моих политических друзей. Отбросив всякие колебания, я решил взять на себя эту роль доверенного лица».

В тот же день В. И. Ленин и Ф. Платтен выехали в Берн, где Платтен должен был продолжать переговоры с германским послом.

Гримм, уязвленный отставкой, возражал против привлечения Платтена к ведению переговоров. Но В. И. Ленин, не доверяя Гримму, настоял на своем.

Новый доверенный горячо взялся за дело и уже 4 апреля представил германскому послу следующие условия, на которых согласны ехать русские эмигранты:

«1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной лич-

ной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы».

Получив эти условия, посол Ромберг был немало удивлен.

— Позвольте, — сказал он, — кажется, не я прошу разрешения на проезд через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия.

Тем не менее он все же согласился взять их и передать в Берлин.

Несмотря на категорический характер условий, германское правительство приняло их, о чем Ромберг сообщил через два дня Платтену.

Что же побудило германское правительство и верховное командование пропустить русских эмигрантов? Ответить на этот вопрос не так уж трудно. Как известно, никто так решительно не выступал против империалистической войны, как большевики во главе с Лениным.

Поэтому если большевиков не пропускали ни Англия, ни Франция, а Временное правительство всячески тянуло с разрешением на въезд, то германское правительство готово было пропустить их через свою территорию.

Ресурсы Германии были истощены. Поэтому выход России из войны, чему могли способствовать большевики, значительно облегчил бы, по мнению немецких империалистов, положение Германии и у нее появились бы шансы на более выгодных условиях заключить мир с державами Антанты.

«Конечно, — писала Н. К. Крупская, — германское правительство, давая пропуск, исходило из тех соображений, что революция — величайшее несчастье для страны, и считало, что пропускаемые им на родину эмигранты-интернационалисты помогут развертыванию революции в России. Большевики же считали своей обязанностью развернуть в России революционную агитацию, победоносную пролетарскую революцию ставили они целью своей деятельности. Их очень мало интересовало, что думает буржуазное германское правительство. Они знали, что оборонцы будут обливать их грязью, но что массы в конце концов пойдут за ними».

Как показали дальнейшие события, германское правительство жестоко просчиталось. Хотя большевики и боролись за заключение мира, за выход России из войны, они настолько революционизировали не только русскую, но и германскую армию, что самому кайзеру вскоре пришлось удирать из собственной страны в связи с революцией в Германии.

Но вернемся к поездке. Как известно, переговоры с германским послом в Берне велись открыто, с полной оглаской условий проезда. Кроме того, В. И. Ленин в доказательство того, что у него не было иного пути возвращения в Россию как только через Германию и что не имелось никакого тайного соглашения с германским правительством, заручился специальным заявлением иностранных социалистов. Оно гласило: «Нижеподписавшиеся ознакомились с тем, какие препятствия правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов на родину. Они ознакомились с тем, на каких

условиях германское правительство согласилось пропустить товарищей через Германию в Швецию.

Не сомневаясь в том, что германское правительство спекулирует на одностороннее усиление антивоенных тенденций в России, мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. Пример героической борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся, интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии (а в дальнейшем также Швеции и Норвегии. — *А. И.*), считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется.

Мы желаем им лучших успехов в их борьбе против империалистской политики русской буржуазии, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социальную революцию.

Берн, 7 апреля 1917 года.

Павел Хартштейн (Германия); Анри Гильбо (Франция); Ф. Лорио (Франция); Бронский (Польша); Ф. Платтен (Швейцария)».

В то время как велись переговоры с послом Ромбергом, В. И. Ленин деятельно готовился к отъезду. С целью избежать каких-либо задержек в пути, в частности в Швеции, он посылает телеграмму Я. С. Ганецкому, в которой рекомендует связаться с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, чтобы последний содействовал обмену русских политических эмигрантов на немецких военнопленных и интернированных в России. В другой телеграмме, от 7 апреля 1917 года, Ленин просил Ганецкого пригласить шведских социалистов К. Линдхагена и Ф. Стрёма встретить русских эмигрантов.

Перед отъездом Платтен направил председателю

швейцарской социал-демократической партии письмо, в котором, в частности, говорилось: «Сам я решился взять на себя эту миссию потому, что имена Ленина... и других служили для меня достаточной гарантией того, что поездка эта имеет огромное политическое значение. Ленин в течение десятилетий является деятельным членом русской партии, в течение ряда лет он — признанный вождь большевиков, и мое доверие к нему настолько велико, что я взял бы на себя эту миссию, даже если бы это вызвало недоверие ко мне».

Формулируя условия поездки, Платтен стремился предусмотреть все до мелочей, чтобы оградить едущих от всяких неожиданностей и нежелательных эксцессов в дороге, могущих их как-то скомпрометировать. Например, пункт в соглашении об экстерриториальности вагона гарантировал едущим надежную защиту от нежелательных визитов официальных лиц на территории Германии.

После того как все было согласовано, немецкие власти назначили день отъезда. Всех отъезжающих заранее оповестили, предложив прибыть на Цюрихский вокзал утром 9 апреля 1917 года. Больше всего хлопот в эти дни выпало на долю Ф. Платтена: нужно было заготовить съестные припасы на всю дорогу, обеспечить билетами пассажиров и достать недорогой вагон для них. В самый последний момент выяснилось, что не хватает денег, чтобы расплатиться за продукты. Из-за этих денег чуть было не сорвалась поездка. Платтен под свою личную ответственность занял в кассе правления своей партии три тысячи франков и с большим трудом сумел получить продовольствие на десять дней, что в то время было весьма трудно сделать.

Но вот к 11 часам 9 апреля все приготовления позади. Отъезжающие, возбужденные и взволнованные, собрались в небольшом цюрихском ресторане «Церингергоф» на прощальный обед. Никто с уверенностью не мог сказать, как обернется эта поездка, что готовит им судьба в этом путешествии. И все-таки решившие ехать ни за что не захотели бы остаться в Швейцарии, жить на чужбине в то время, когда там, на родине, народ вписывал новую яркую страницу в историю своей страны.

Как всегда в минуты отъезда, возникла тысяча неотложных дел, нерешенных вопросов. В. И. Ленину и Ф. Платтену приходилось все решать на ходу, быстро и четко. Их поминутно о чем-то спрашивали, куда-то звали урегулировать возникшие недоразумения или спор.

В половине третьего 9 апреля 1917 года по сигналу Платтена отъезжающие двинулись к Цюрихскому вокзалу.

Там уже толпились провожающие. Пришли друзья — ведь много их оставалось пока здесь. Кроме русских эмигрантов пришли поляки, латыши, итальянцы, немцы, австрийцы. Много было швейцарских рабочих, они приветствовали отъезжающих. Пришли на вокзал и враждебно настроенные русские эмигранты, придерживавшиеся социал-патриотических взглядов. Из толпы этих социал-патриотов слышались выкрики и оскорбления в адрес отъезжающих.

Не избежал оскорблений и Платтен, как организатор поездки и сопровождающий группу. Вспоминая об этом, Платтен писал, что, когда он находился на перроне, с ним «сцепился какой-то исступленно жестикулировавший социал-патриот» и он был «близок к мысли спустить под вагон этого субъекта».

Но вот отъезжающие разместились в вагоне, и в три часа десять минут поезд отошел от перрона Цюрихского вокзала. Набирая скорость, он мчался к швейцарско-германской границе.

На вокзале пограничного города Тайнгена швейцарские власти произвели таможенный досмотр. Ввиду того что количество съестных припасов у едущих превышало установленную норму, излишки были отобраны.

Наконец поезд пересек границу. Первым городом, где русские ступили на немецкую землю, был Готтмадинген. Всех прибывших пригласили в освобожденный по этому случаю и изолированный зал третьего класса. Фриц Платтен и атташе немецкого посольства в Берне Шюллер, сопровождавший эмигрантов до Готтмадингена, представили проезжающих специально выделенным германскими властями для сопровождения русских эмигрантов по территории Германии двум офицерам ге-

нерального штаба Планитцу и Бюрингу. Помимо инструкции от Шюллера об условиях следования эмигрантов, особенно о соблюдении пункта об экстерриториальности вагона, эти офицеры еще раньше, в Берлине, получили особые предписания. Как вспоминает Бюринг, его вызвали в политический отдел генерального штаба, где он получил приказ Людендорфа сопровождать транспорт с русскими революционерами. Кроме того, ему вменялось в обязанность внимательно наблюдать за каждым русским и подслушивать их разговоры. Он не должен был и виду показывать, что понимает по-русски, и говорить только по-немецки. В Готтмадингене его уже ожидал Планитц.

Церемония приемки русских эмигрантов заключалась в следующем. Никаких паспортов или других документов они не должны были предъявлять. Фриц Платтен написал на отдельных листочках номера от 1-го до 32-го, и каждый с таким номером в руках проходил мимо офицеров. И все.

На станции Готтмадинген всю ночь пришлось провести в вагоне. Снаружи его охраняли немецкие ополченцы. Вагон, в котором эмигрантам предстояло проследовать по территории Германии, относился к категории «микст», то есть смешанный: он состоял из купе второго и третьего класса. Из четырех дверей вагона три были наглухо закрыты. Оставалась только одна дверь, через которую можно было входить и выходить. В крайнем к выходу купе расположились немецкие офицеры. На полу была проведена мелом черта, за которую ни русские эмигранты, ни германские офицеры не могли переступить. Один Платтен имел право выходить из вагона и вести необходимые переговоры с представителями местных и железнодорожных властей.

Утром вагон прицепили к берлинскому поезду. В пути следования по территории Германии останавливались только на больших станциях, да и то преимущественно ночью. Если же остановка приходилась на дневное время, то немецкая полиция никого не подпускала к вагону с русскими. Но все же многие каким-то образом узнавали о проезде русских революционеров и всячески старались подойти поближе к вагону. И когда это им

удавалось, приветствовали проезжающих, показывали карикатуры, высмеивающие свергнутого русского царя. Было очевидно, что все эти люди связывали с проездом русских революционеров надежды на прекращение войны, на скорый мир, которого с нетерпением ждали народы.

Прибыли во Франкфурт. Вагон с русскими отцепили и поставили на запасный путь. Планитц и Бюринг, полагая, что Платтен останется в вагоне, отлучились в город. Но у Платтена здесь предстояла встреча с одним товарищем, который должен был ждать его на вокзале.

Когда Платтен вошел в здание вокзала, он увидел, что в буфете продавалось пиво. У него сразу возник план: сделать приятное своим подопечным — угостить их пивом. Но как? В вагоне 32 человека, а ему больше шести кружек не унести. Вдруг он увидел группу немецких солдат, которые о чем-то оживленно разговаривали. Подойдя поближе, Платтен услышал, что они говорят о русских, которые едут в «запломбированном» вагоне. Недолго думая, он решился.

— Друзья, не поможете ли вы мне отнести несколько кружек пива в тот самый вагон? — спросил он.

— С полным удовольствием, — дружно ответили те.

И через несколько минут путешественники с наслаждением пили чудесный напиток. А немецкие солдаты осыпали эмигрантов градом вопросов:

— Скоро ли конец войне?

— Когда заключат мир?

Тон, которым задавались эти вопросы, убеждал в том, что они спрашивают не из праздного любопытства, что им осточертела война, что они тоскуют по родному дому.

Да разве только этот эпизод характеризовал положение в Германии! Вместе с другими Платтен наблюдал такую, например, картину. Кончился рабочий день. Франкфуртцы спешили на пригородные поезда. Мимо вагона проходил длинный ряд измученных, усталых людей, с потухшим взором, на их лицах не видно было ни малейшей улыбки. «Это траурное шествие, — вспоминал Платтен, — как молния осветило нам положение Германии и пробудило в сердцах ехавших эмигрантов надежду на то, что уже недалек тот час, когда народные массы в

Германии восстанут против господствующих классов».

К вечеру, когда ничто уже не напоминало о посещении вагона немецкими солдатами, вернулись Планитц и Бюринг. Вскоре вагон прицепили к маршрутному поезду. В Берлин приехали на следующий день. На Потсдамском вокзале, куда прибыл поезд, было много одетых в штатское офицеров генерального штаба. Всем не терпелось увидеть русских. На вокзал никого не пропускала усиленная охрана.

Планитц и Бюринг заспешили в ресторан, мурлыча себе под нос какую-то сентиментальную песенку, что свидетельствовало об исключительно хорошем настроении у обоих офицеров. Однако оно явно испортилось, когда они, вернувшись из ресторана, не нашли вагона. При одной мысли, что они отстали от поезда, у обоих кровь отхлынула от лица: им грозил суд военного трибунала. Но они отделались только испугом: вагон всего-навсего перевели на Штеттинский вокзал, откуда он должен был следовать дальше, на Засниц. Там загулявшие офицеры без особого труда разыскали злополучный вагон с вверенными им попечению пассажирами.

Хочется рассказать еще об одном эпизоде. Не последнюю роль в разрешении проезда русских через Германию сыграла Генеральная комиссия немецких профсоюзов, лидеры которых принадлежали к числу ярых социал-шовинистов. И вот, когда вагон с эмигрантами прибыл в Штутгарт, на вокзал для торжественного приветствия пожаловал представитель правого руководства комиссии некий Янсон. Пользуясь знакомством с Фрицем Платтенем, Янсон попросил устроить ему личную встречу с пассажирами спецвагона.

— Но это невозможно, — убеждал его Платтен.

— Я все же хочу побеседовать с ними, — настаивал Янсон.

Платтену пришлось сообщить В. И. Ленину и его спутникам о желании Янсона встретиться с ними. В вагоне это известие вызвало взрыв смеха.

— Надо дать от ворот поворот непрошенному гостю, — решили все.

На следующий день Платтен вежливо разъяснил

Янсону, что пассажиры спецвагона ни с кем не желают встречаться в Германии...

Пассажиры всеми помыслами были с родиной, жили предстоящей встречей с ней. В вагоне жизнь шла своим размеренным порядком. В. И. Ленин много работал, и ему по возможности старались не мешать. Однако нет-нет да и выпадет час-другой, когда обитатели вагона, сбившись тесным кольцом вокруг Ленина в коридоре или в купе, начинали дискуссии, споры на самые различные темы или просто задушевные беседы о будущем. Центральное место во всех этих дискуссиях и беседах занимал, конечно, вопрос о революции в России, о ее развитии, о роли большевистской партии в ней.

Фриц Платтен внимательно прислушивался ко всему, набирался знаний, опыта. Анализируя все услышанное, он иногда высказывал свои суждения. Платтен вспоминал позже об одной из таких бесед: «В коридоре вагона шел горячий спор. Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом:

— Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?

— Должен сознаться, — ответил я, — что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но, как борцы, вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходивших на арену, навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу.

Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе»

Иногда в разгар затянувшегося спора кто-нибудь, улучив удобный момент запевал одну из любимых революционных песен, и тогда все дружно подхватывали ее. Платтен, слабо владевший русским языком, песни выучил очень хорошо и увлеченно пел их по-русски вместе со всеми.

За время дороги русские эмигранты очень полюбили Фрица Платтена. Веселый и общительный, он быстро завоевывал симпатии окружающих. Одна из участниц переезда по Германии, Елена Усиевич, рассказывает о таком эпизоде: «Один из товарищей, учитывая некото-

рую склонность к революционной романтике многих из нас и нашу привязанность к Фрицу Платтену, такому надежному, верному товарищу, такому заботливому другу, вдруг пустил по рукам «документ», в котором говорилось, что так как есть опасность, что Фриц Платтен не будет впущен в Россию, то, мол, в этом случае нижеподписавшийся обязуется также не въезжать до тех пор, пока не впустят Платтена. Мы читали этот «документ» один за другим и, не рассуждая (какие могут быть рассуждения, когда речь идет о благородном акте солидарности), подписывали. Уже с несколькими подписями документ дошел наконец до Владимира Ильича. Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил:

— Какой идиот это писал?

И тут только мы, без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо: ведь Временное правительство не то, что не приглашало нас в Россию, а делало все, чтобы помешать нам туда попасть, а мы вдруг сделаем ему такой приятный сюрприз, что сами откажемся!»

Интересно, что именно так и случилось, как предвидел Ленин. На русской границе Фрица Платтена не пропустили в Россию. Но об этом дальше.

12 апреля 1917 года вагон с русскими эмигрантами прибыл в Засниц — последний немецкий город.

Прежде чем пассажиры покинули территорию Германии, их тщательно пересчитали, вручили багаж. Затем поезд въехал в трюм огромного шведского парома-парохода, который через четыре часа доставил его в шведский город Треллеборг.

Когда вышли в открытое море и берега Германии едва виднелись вдаль, на пароходе произошел забавный казус. Выполняя обычную во время войны формальность, капитан парохода предложил всем едущим заполнить анкеты. Это встревожило В. И. Ленина и его спутников, не знавших, что так принято. Они решили, что здесь какой-то обман со стороны немцев. Чтобы остаться чистыми в глазах общественного мнения, немецкие власти, мол, пропустили русских через свою территорию, а шведской полиции дали знать, что за люди едут на пароходе. Вот зачем понадобились эти анкеты, за кото-

рыми надо ждать ареста. Все пришли к единому мнению: надо спутать карты, сорвать затеянную немцами игру, проставив в анкетах вымышленные фамилии.

Через некоторое время из Треллеборга поступил запрос по радио, едет ли на этом пароходе Ульянов. Просмотрев анкеты, капитан убедился, что такого нет, но все же на всякий случай решил еще раз удостовериться и пригласил к себе Платтена.

— В сопровождаемой вами группе есть господин Ульянов? — спросил капитан.

Вопрос застал Платтена врасплох. Он не знал, что ответить. В голове молниеносно пронеслась мысль: «Надо предупредить Ленина, что его уже разыскивают, ему грозит опасность». Сделав вид, что он не понял, что от него хотят; Платтен предложил капитану:

— Пройдемте вместе к пассажирам и там все выясним.

Спустившись на палубу, они подошли к группе эмигрантов, среди которых находился и Владимир Ильич.

— Среди вас есть господин Ульянов? — повторил вопрос капитан.

Все переглянулись. Ильич секунду помолчал, затем решил, что теперь уже делать нечего, и назвал себя. Все, затаив дыхание, ждали, что последует дальше. Но ничего страшного не произошло. Как выяснилось, радиogramму посылал Ганецкий, уже два дня ожидавший прибытия группы Ленина и сильно беспокоившийся.

В. И. Ленин тут же ответил ему приветственной телеграммой и просил позаботиться о билетах для всей группы эмигрантов.

Утром 13 апреля подопечные Платтена в целости и сохранности приехали в столицу Швеции Стокгольм. Фриц Платтен выполнил свою трудную и ответственную миссию, доставив русских товарищей до конечного пункта. Дальше он уже продолжал путь как гость и соратник русских революционеров.

Левые социал-демократы Швеции Линдхаген и Стрём устроили торжественную встречу и дали обед в честь В. И. Ленина и его спутников. Шведские и норвежские социал-демократы одобрили поездку русских эмигрантов через Германию и подписали заявление (Хансен от Нор-

вегии; Линдхаген, Стрём, Карльсон, Чильбум, Нерман от Швеции), под которым уже стояли подписи социалистов других стран.

В тот же день, в 18 часов 37 минут, В. И. Ленин со своими спутниками выехал из Стокгольма в Россию. В поезде Владимир Ильич провел совещание русских эмигрантов, возвращавшихся домой. На совещании еще раз обсуждался вопрос о проезде Фрица Платтена через границу в Россию. Было решено добиваться разрешения.

15 апреля прибыли в шведский пограничный городок Хапаранду. По другую сторону еще не освобожденного ото льда залива — территория России — пограничный город Торнео. Все устремили свои взоры туда, за узкую полосу залива. У многих навернулись слезы на глазах — они увидели развевающийся красный флаг. Неповторимая, незабываемая минута! Такие мгновения западают в душу на всю жизнь. А сколько пришлось перенести трудящимся мук, сколько крови пролить, чтобы этот флаг мог так вот свободно и гордо реять над зданием вокзала, над всей возрождающейся бесконечно дорогой родиной!

Вскоре были поданы лошади, и длинная вереница саней направилась через залив. Вот и Торнео. Здесь каждый из приехавших заполнил опросный лист, чтобы получить пропуск для дальнейшего следования. Заполнил такой лист и Фриц Платтен. Но с ним поступили не так, как со всеми другими. «После того, как я заполнил обычный опросный лист, — писал он потом, — я подвергся самому тщательному телесному осмотру, что является процедурой чрезвычайно тягостной. После того как осмотр не дал никаких результатов, между мною и английским пограничным офицером (в составе погранзащиты находились также и офицеры союзников. — А. И.) произошел следующий разговор:

— Какие у вас имеются мотивы для поездки в Петроград и Москву?

— Я еду для того, чтобы поддержать в министерстве свое ходатайство о выплате мне залога, внесенного мною в 1908 году в депозит суда в Риге, и для того, чтобы по личным делам навестить в Москве родителей своей жены».

Убедившись, что по собственной инициативе Платтен не откажется от поездки в Россию, английский офицер заявил, что не разрешит Платтену пересечь границу без специального распоряжения из Петрограда и что он вынужден доставить Платтена под конвоем обратно на шведскую границу.

В связи с тем что Платтена задержали на границе, В. И. Ленин послал из Торнео телеграмму Бюро Центрального Комитета РСДРП(б), в которой просил ускорить получение пропуска для Платтена. Платтен же вернулся в Хапаранду, где прождал разрешение три дня, затем выехал в Стокгольм. Прождав еще два дня и не дождавшись разрешения, Платтен отправился в обратный путь.

Позже В. И. Ленин выступил в печати с разоблачением позиции Временного правительства в отношении Платтена и доставленных им русских эмигрантов. Он писал: «Почему правительство Милюкова и К^о не пустило в Россию ехавшего с нами швейцарского социалиста Фрица Платтена, который заключил соглашение с немецким правительством об обмене?»

Правительство лжет, пуская слухи, что Платтен — друг немцев. Это клевета. Платтен — друг рабочих и враг капиталистов *всех* стран»¹.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

И вот Платтен снова в Цюрихе. Но и там в связи с тем, что он ездил с русскими эмигрантами через Германию, ему пришлось пережить много неприятностей. У Платтена появилось немало новых недругов, изощрявшихся в грязной клевете на него, называвших его немецким шпионом, изменником. Зарубежная пресса, особенно англо-французская, распространяла всякие небывлицы, обвиняя большевиков, а вместе с ними и Платтена, в тайном сговоре с немцами.

Вся эта травля приняла столь разнузданный характер, что Платтен и другие швейцарские социал-демокра-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 31, стр. 224,

ты, участвовавшие в последующих поездках с русскими эмигрантами, потребовали от правления партии официального опровержения клеветы и подтверждения через печать непричастности их к каким бы то ни было тайным соглашениям.

8 июня 1917 года правление партии вынесло специальное решение, в котором разъяснялось, что поездки предпринимались в частном порядке, но с разрешения руководства партии, что в этом нет ничего предосудительного, что указанные товарищи своими действиями нисколько не дискредитировали партию и что правление одобряет их действия в защиту прав русских политических эмигрантов.

Заседание правления состоялось как раз накануне открытия Чрезвычайного партийного съезда, который должен был начать работу еще в феврале 1917 года. Правым и центристам, как уже говорилось, удалось тогда сорвать его и перенести на более поздний срок.

Съезд открылся 9 июня 1917 года в Берне. На повестке дня наряду с другими стояли два важных вопроса: отношение к решениям Кинтальской конференции и военный вопрос.

Следует заметить, что вопрос об отношении к Кинтальским решениям был тесно связан с двумя другими вопросами: о созыве 3-й Циммервальдской конференции в Стокгольме и об отношении к предложению Международного социалистического бюро ко всем социалистам собраться на Международную мирную социалистическую конференцию в Стокгольме.

Одним из первых выступил Фриц Платтен:

— Я предлагаю одобрить решения Циммервальдской и Кинтальской конференций, особенно предложения Циммервальдской левой, стоящей на почве интернационализма и классовой борьбы, осуждающей империалистическую войну. Мы говорим: никогда и нигде мы не сядем за один стол с изменниками делу социализма. И я сам никогда, ни при каких обстоятельствах не пойду на такое предательство, даже в интересах «гармонического» мира в партии. Ибо если дашь руку тому, у кого она в крови, то и твоя тоже будет окровавлена.

Вдруг оттуда, где сидели правые, И. Губер выкрикнул с места:

— С социал-патриотами не хотите садиться за один стол, а сами вели переговоры с кайзеровским правительством!

Платтен достойно отпарировал этот выпад:

— Всем хорошо известно, о чем я вел переговоры. Но я никогда не поддерживал политику германских империалистов, а, наоборот, боролся против нее, против империалистической войны, которую ведет кайзеровское правительство. Именно поэтому, наученные горьким опытом двух с половиной лет империалистической войны, которую поддерживают социал-патриоты, мы не хотим с ними встречаться в Стокгольме. Мы должны выйти из этой обанкротившейся организации (то есть из II Интернационала. — А. И.).

Платтена поддержали еще несколько человек. Несмотря на все старания правых, при голосовании прошла цюрихская резолюция, одобрявшая решения Кинтальской конференции.

Во второй день работы съезда, 10 июня, обсуждался военный вопрос. На трибуне снова неутомимый Фриц Платтен. В своей часовой речи он, в частности, заявил:

— Экономическое развитие привело к возникновению империализма, а он в свою очередь неизбежно приводит к войне. Империалистическая война не может быть народной войной за национальную независимость. Это война капиталистических хищников во имя их собственных интересов. Пролетариат не должен принимать участия в подобных войнах, он должен поставить перед собой одну-единственную цель — покончить с капиталистическим господством. Капиталисты вкладывают в понятие защиты отечества — защиту своих капиталов, их сохранение и приумножение. Нынешняя война — это типичная капиталистическая разбойничья война.

Делегаты съезда с огромным вниманием слушали Платтена. По рядам то прокатится гул одобрения, то правые, ярые шовинисты, бросят реплику: «Большевистская пропаганда» — или что-нибудь в этом роде. А Платтен невозмутимо продолжал:

— Наша задача — единодушно выступить против ми-

литаризма. Только надо правильно вести пропаганду в массах. Наша пропаганда, без сомнения, найдет самый горячий отклик в народе. В моей практике был такой случай. После одного из выступлений среди рабочих меня окружила группа молодых слушателей. Один из них говорит мне:

— Я не пойду служить в армию.

— И хорошо сделаешь, — ответил я ему.

— А я против того, чтобы отказываться служить в армии, хотя и всецело поддерживаю социалистические идеи, — сказал другой. — Мы не должны оставлять армию без пропагандистов социализма.

— Ты тоже прав, — ответил я второму. — Обе ваши точки зрения правильны. Один из вас стоит на позициях пассивного сопротивления, другой придерживается активных, наступательных действий. Я признаю обе точки зрения.

Зал разразился аплодисментами. Заканчивая, Платтен подчеркнул:

— Чтобы внести полную ясность в нашу точку зрения по такому вопросу, как военный, мы должны прямо сказать «да» или «нет» милитаризму, «да» или «нет» защите отечества. Я призываю голосовать за проект резолюции большинства, осуждающий милитаризм.

Платтен имел в виду проект резолюции по военному вопросу, поддержанный большинством специальной комиссии, избранной еще на Цюрихском съезде партии в ноябре 1916 года.

Своим боевым выступлением Платтен вызвал бурные дебаты по военному вопросу. Правые с пеной у рта доказывали необходимость защиты отечества, особенно швейцарского.

Но левые без труда опровергли несостоятельные доводы правых, и при голосовании прошла резолюция большинства: она получила 222 голоса, а проект меньшинства — только 77 голосов.

Решения Чрезвычайного съезда партии свидетельствовали о дальнейшем революционизировании ее рядов. Партия стала придавать большее значение революционной борьбе масс.

Вскоре за июньским съездом Центральный Комитет

по возвращению русских эмигрантов, образованный в Швейцарии после Февральской революции, обратился к Платтену с просьбой еще раз оказать содействие в отправке русских эмигрантов на родину через Германию.

Как уже упоминалось, многие эмигранты, и особенно меньшевики, отказались ехать вместе с группой В. И. Ленина, надеясь на официальное разрешение Временного правительства. Но последнее словно забыло о них, и меньшевикам не оставалось ничего другого, как последовать примеру первой группы.

Однако Платтен отказался сопровождать вторую, а затем и третью группы, так как в них преобладали меньшевики...

А тем временем в России разворачивались бурные события. Июльская демонстрация 1917 года и ее расстрел Временным правительством показали, что двоевластие в стране пришел конец. Отныне буржуазия захватила всю власть в свои руки. Но Временное правительство не дало народу ни мира, ни земли, и трудящиеся массы все больше теряли веру в него.

Опираясь на революционный подъем масс, большевистская партия призвала к восстанию против диктатуры буржуазии и к установлению диктатуры пролетариата. Благодаря своей огромной работе в массах и гибкой тактике партия сумела сплотить вокруг себя пролетариат, сумела поднять народные массы на борьбу против Временного правительства. В ночь с 6 на 7 ноября (с 24 на 25 октября) 1917 года в Петрограде под руководством большевиков произошло победоносное народное восстание. Уже к утру 7 ноября (25 октября) Временное правительство было низложено и вся власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета. Октябрьская социалистическая революция победила.

9 ноября 1917 года швейцарские газеты сообщили о завоевании власти в Петрограде большевиками. Победа Октябрьской социалистической революции в России всколыхнула весь мир, в том числе и Швейцарию, явившись могучим стимулом к небывалому подъему революционного движения во всех странах.

Отныне многие швейцарские рабочие считали, что пришла пора сделать то же самое, что и русские рабочие. Особенно восторженно известие о победе Октябрьской революции встретили цюрихские рабочие — наиболее революционный отряд швейцарского пролетариата. Счастливым был и Фриц Платтен, стоявший во главе этого отряда.

Однако, несмотря на подъем рабочего движения, вызванный победой русского пролетариата, правление социал-демократической партии вяло реагировало на сообщения из России. И тогда митинги и демонстрации стали возникать стихийно. 15 ноября в Народном доме Цюриха состоялось торжественное собрание по случаю победы Октябрьской революции. Его участники приняли решение остановить работу двух военных заводов в Цюрихе. С пением «Интернационала» они сразу же направились к ним. Рабочие обоих заводов бросили работу и присоединились к демонстрантам.

На следующий день был созван еще более внушительный митинг. Вмешалась полиция. В результате столкновения с полицией было ранено 27 человек. Многие были арестованы.

17 ноября рабочие организовали грандиозную манифестацию протеста против действий полиции. У одного из полицейских участков снова произошло столкновение, которое переросло в кровопролитный уличный бой. На помощь полиции были брошены воинские части, вооруженные пулеметами. Рабочие воздвигли баррикаду. Полиция и солдаты открыли огонь и после упорного боя штурмом овладели баррикадой. Около 100 человек были ранены, трое рабочих убиты.

Выступление рабочих в Цюрихе потрясло всю Швейцарию. Такого еще не бывало: баррикады на улицах города! Швейцарский историк Г. Эггер в книге «Образование Коммунистической партии в Швейцарии» так характеризует эти события:

«...это выступление было совершенно неожиданным и возникло стихийно. Руководство социал-демократической партии, находившееся в основном под влиянием центристских настроений, проявило полную пассивность. Вместе с тем левое крыло партии, а также руководство молодежных социал-демократических организаций счи-

тали, что попытка революционного переворота была бы преждевременной. Это революционное крыло рабочего движения рассматривало планомерную подготовку и организацию переворота как первое и неперемное условие его успеха».

Именно такой точки зрения придерживался и Фриц Платтен во время ноябрьских событий в Цюрихе. Но в то же время его угнетало, что в такой ответственный момент партия, и особенно левые, осталась в стороне, не возглавила рабочих.

После ноябрьских событий революционный подъем в Швейцарии продолжался. Этому способствовали как дальнейшее ухудшение экономического положения трудящихся, так и международные события.

Во второй половине декабря 1917 года собралась ехать четвертая, последняя группа русских эмигрантов, уже в Советскую Россию. Группу возглавлял С. Ю. Багоцкий. Он обратился к Платтену с просьбой еще раз взять на себя обязанности сопровождающего.

Платтен, болезненно переживавший неудачу цюрихского выступления, обрадовался представившейся возможности побывать в России, где власть завоевал пролетариат, увидеться с В. И. Лениным, возглавившим правительство Советской республики.

В начале января Фриц Платтен благополучно доставил в Петроград последнюю партию эмигрантов и сразу же с группой приехавших отправился в Смольный, чтобы сообщить о прибытии В. И. Ленину.

Жизнь в революционном Петрограде бьет ключом! На улицах много рабочих, солдат и матросов.

Вот и Смольный! У ворот часовые. Минуту пришлось задержаться. Затем прошли в здание. Там шумно и людно. Матросы, солдаты, штатские спешили по коридорам и лестницам — у каждого свои неотложные дела.

Кабинет В. И. Ленина на третьем этаже. Небольшая приемная, разделенная на две части перегородкой. За перегородкой, у маленького столика, — секретарь, и рядом — дверь в кабинет В. И. Ленина.

Как только секретарь доложил, что прибыла группа товарищей из Швейцарии, В. И. Ленин встал из-за стола и вышел навстречу.

— Входите, входите, товарищи. Здравствуйте! Очень рад вас видеть!

Вошли в небольшую светлую комнату. Прямо против двери — письменный стол, вдоль стен — несколько стульев, книжный шкаф. Ничего лишнего. Все просто, скромно, как и сам человек, который здесь работал. Пожав всем поочередно руку, В. И. Ленин начал расспрашивать:

— Как доехали, как самочувствие? Где остановились?

— Спасибо, Владимир Ильич, доехали хорошо, а самочувствие преотличнейшее. Ведь мы теперь наконец-то дома, на родине.

— А вы, товарищ Платтен, как себя чувствуете? Тоже как дома?

— Еще лучше, Владимир Ильич! Теперь каждый интернационалист здесь будет чувствовать себя как дома. А я тем более. У меня давние связи с Россией, еще с 1906 года.

— Так где вы расположились, товарищи? — снова спросил Ленин.

— Да пока на станции, в вагонах.

Владимир Ильич подошел к столу, снял трубку и вызвал по телефону А. М. Коллонтай.

— Александра Михайловна! Приехала группа товарищей из Швейцарии. Живут на станции в вагонах. Большая просьба к Вам — займитесь, пожалуйста, размещением и устройством прибывших.

Пробыв у Ленина еще несколько минут, гости заторопились, не желая отнимать драгоценное время у главы первого в мире рабоче-крестьянского правительства.

Приехавшие прожили в вагонах еще трое суток. Дня через два на станцию приехал В. И. Ленин вместе с Марией Ильиничной. Тепло поздоровавшись со всеми, В. И. Ленин пригласил к себе в машину Фрица Платтена. Они поехали в Смольный, а оттуда на митинг в Михайловский манеж, где Ленин должен был выступить перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт. В манеже было многолюдно. Здесь кроме бойцов отряда собрались также солдаты, направляющиеся по домам, рабочие Питера. Собравшиеся с огромным вниманием слушали речь В. И. Ленина о зна-

чении создания революционной армии, которая будет оберегать завоевания социалистической революции.

После митинга В. И. Ленин, М. И. Ульянова и Фриц Платтен сели в закрытую машину, водителем которой был революционный солдат Т. М. Гороховик. И мог ли кто-нибудь из них подумать, что жизнь каждого висела на волоске. В этот день, 14 января 1918 года, на В. И. Ленина было совершено первое покушение. Подъезжая к мосту через Фонтанку, шофер из-за тумана сбавил скорость. Вдруг раздались короткие и сухие хлопки выстрелов. Пуля прошла лобовое стекло автомобиля. Мгновенно оценив обстановку, шофер резко увеличил скорость, чтобы быстрее проскочить мост. Мария Ильинична рассказывала потом: «...не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля, как горох, посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» — «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. — «А то как же, — ответил шофер, — я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам!»»

Пострадал только Фриц Платтен. В тот момент, когда он пригнул голову Ленина, пуля обожгла ему руку. Сначала он даже не почувствовал боли. И только когда вышли из машины, чтобы осмотреть ее снаружи, Платтен заметил кровь на руке. Кузов машины был продырявлен в нескольких местах. Теперь не оставалось сомнений и у Владимира Ильича: действительно стреляли.

Платтен и на этот раз доказал, что он мужественный человек, преданный друг В. И. Ленина.

Уже пора было собираться в обратный путь, но Платтену не хотелось уезжать. Его захватил революционный водоворот, бурливший в России. Веками угнетавшийся народ распрямил спину и впервые в истории человечества начал создавать рабоче-крестьянское государство.

Платтен побывал в Москве, где выступил на городском партийном собрании.

Но что бы там ни было, а дела все настойчивее звали его в Швейцарию. И Платтен отправляется на родину.

В начале 1918 года политическая обстановка в Швейцарии чрезвычайно обострилась. Нехватка продовольствия и топлива, дороговизна активизировали классовую борьбу пролетариата. Стачки и голодные демонстрации становились обычным явлением. Вместе с тем усилился произвол военщины и полиции, участились аресты и всевозможные запреты. Буржуазные писаки из кожи лезли вон, клевета на социализм, на Октябрьскую революцию и молодое Советское государство.

Однако Федеральный совет все же вынужден был под давлением народных масс в 1918 году установить с Советской Россией фактические отношения и согласиться на создание в Швейцарии советского представительства.

Рядовые социал-демократы, рабочие — члены профсоюзов требовали от своих лидеров более решительных выступлений против политики правительства, всецело стоявшего на стороне буржуазии.

Созданному 4 февраля 1918 года комитету действия было поручено собрать и изучить все требования трудящихся, чтобы затем предъявить их правительству.

Комитет, в который вошли представители социал-демократической партии и профсоюзов, заседал в городе Ольтене и поэтому известен в истории как Ольтенский комитет действия. Сначала в него входил и Фриц Платтен. Однако комитет занял выжидательную позицию, плелся в хвосте событий; всю его работу председатель комитета Р. Гримм сводил к «созданию оборонительного фронта».

Больше чем кого бы то ни было подобная тактика выводила из себя Платтена. После всего увиденного им в Советской России он не мог относиться терпимо к пассивному выжиданию и нерешительности. Если бы Ольтенский комитет по-настоящему возглавил нараставшее рабочее движение, рабочие Швейцарии добились бы больших успехов. В 1918 году рабочее движение шло по восходящей линии: в июне — грандиозная демонстрация женщин в Цюрихе против войны и дороговизны; в

июле — в Базеле собирается Всешвейцарский рабочий конгресс, левая часть которого высказывается за немедленную всеобщую забастовку; 30 сентября — 1 октября начали забастовку две тысячи банковских служащих Цюриха, что уже само по себе явилось исключительным событием в истории Швейцарии. Эта забастовка переросла во всеобщую забастовку Цюрихского кантона; в ноябре всеобщей забастовкой охвачен весь пролетариат Швейцарии.

Боясь окончательно потерять свое влияние на массы, правление социал-демократической партии вынуждено было 19 октября обратиться с воззванием к членам партии, в котором призывало отпраздновать 7 ноября первую годовщину Октябрьской революции в России. Для выступлений на рабочих собраниях были выделены докладчики. Особый успех выпал на долю Фрица Платтена, побывавшего в Советской России и видевшего собственными глазами революцию. Рабочие жадно слушали правду о Советской республике, о первом государстве рабочих и крестьян.

Власти чинили всевозможные препятствия проведению таких собраний. Как-то раз Фриц Платтен приехал в небольшой городок Бургдорф, близ Берна, где должен был прочитать доклад об Октябрьской революции. Но местные власти запретили проводить это собрание в каком-либо общественном здании. Тогда рабочие попросили Платтена выступить прямо на городской площади. Власти, сами того не желая, способствовали тому, что Платтена услышали не 500—600 человек (такова была вместимость самых крупных городских зданий), а более трех тысяч.

Подготовка к празднованию годовщины Октябрьской революции не на шутку напугала правящие круги. Особенно боялось выступления трудящихся цюрихское кантональное правительство. По его требованию Федеральный совет стянул к Цюриху четыре пехотных полка и четыре кавалерийские бригады. Федеральный совет обратился с воззванием ко всему народу, призвав к спокойствию. Внесли свою лепту и правительства стран Антанты, потребовав от Федерального совета «положить конец большевистской деятельности в Швейцарии».

Нужно было принимать какие-то меры, чтобы выполнить это требование. Власти прибегли к старому, избитому способу борьбы с революционными элементами внутри страны: они обвинили их в посягательстве на государственную власть. Для вящей «убедительности» приплели сюда и версию о «вмешательстве» советского представительства, приписав ему руководство подготовкой свержения Федерального совета, а также наводнение Швейцарии фальшивыми деньгами.

8 ноября Федеральный совет разорвал отношения с Советской Россией и выслал из страны всех сотрудников советского представительства.

В создавшейся обстановке задачей первостепенной важности становилась организация противодействия военно-политическому произволу властей. Меры Федерального совета были восприняты как грубая провокация. Выражая волю и требования рабочего класса, Ольтенский комитет принял решение провести 9 ноября всеобщую 24-часовую забастовку протеста и предъявить Федеральному совету следующие требования: 1) вывести войска из Цюриха; 2) отменить высылку советского представительства; 3) отменить запрещение празднования годовщины Октябрьской революции; 4) освободить арестованного лидера молодежного движения Мюнценберга.

Федеральный совет отклонил все требования Ольтенского комитета. Рабочие настаивали на продолжении всеобщей забастовки, а комитет колебался и медлил, не решаясь на активные действия. Исчерпав все возможности изменить его нерешительную тактику, Фриц Платтен порвал с Ольтенским комитетом.

Платтен отправился к цюрихским рабочим и принял непосредственное участие в организации там 10 ноября демонстрации. Несмотря на то что правительство запретило демонстрацию, она была проведена. Против демонстрантов были брошены войска. И здесь не обошлось без жертв — имелись раненые и убитые. Пренебрегая опасностью, Платтен пробился к солдатам и призвал их прекратить кровопролитие, не стрелять в своих братьев по классу...

В создавшихся условиях под давлением масс Ольтен-

ский комитет объявил все же 11 ноября всеобщую забастовку в стране, не установив срока ее окончания. В забастовке участвовало свыше 400 тысяч трудящихся. Но оппортунистическое руководство, стоявшее во главе рабочего движения, своей соглашательской политикой погубило это самое крупное выступление швейцарского пролетариата. 14 ноября Ольтенский комитет принял ультиматум Федерального совета о прекращении всеобщей забастовки.

Власти затеяли судебное дело против наиболее активных участников и руководителей всеобщей забастовки. Одним из «опасных преступников» объявили, конечно, Фрица Платтена. Его обвинили в «подстрекательстве к мятежу в армии».

Суд над 20 руководителями забастовки продолжался с 12 марта по 9 апреля 1919 года. Платтен в это время находился в Москве на I конгрессе Коминтерна. Его осудили заочно к шести месяцам тюрьмы и 320 франкам денежного штрафа. Однако приговор был приведен в исполнение не сразу, а более чем через год, когда Платтен вернулся в Швейцарию.

А пока готовился суд над Платтеном и другими участниками всеобщей забастовки, в декабре 1918 года состоялся съезд партии, известный в истории швейцарского рабочего движения как «съезд похмелья». На смену революционному подъему пришла пора реформизма. На съезде победили правые. Была принята резолюция, отрицавшая необходимость нелегальной работы в массах. Правые позаботились о том, чтобы Фриц Платтен не был переизбран в состав Секретариата партии.

Однако левые силы в рядах швейцарской социал-демократии не сложили оружия. Наоборот, они еще решительнее стали выступать против правых и центра, отстаивая революционные методы классовой борьбы.

Чрезвычайный партийный съезд, открывшийся 2 февраля 1919 года в Берне, обсуждал вопрос об участии в конференции, созываемой Международным социалистическим бюро — этим жалким обломком потерпевшего крах в начале империалистической войны II Интернационала. Правые высказались за участие в конференции

социал-патриотов. Платтен от имени левых решительно выступил против. Он заявил:

— Съезд должен осудить социал-патриотов и оборонцев и высказаться против участия в их конференции. Мы приветствуем русскую революцию и принимаем боевой клич русских и немецких революционеров, призывающий к мировой революции. Мы заявляем, что между социалистами старого Интернационала и левыми циммервальдистами нет ничего общего.

Центристы во главе с Гриммом также высказались против участия в конференции социал-патриотов, но совершенно по другим причинам: они считали слишком рискованным солидаризироваться со скомпрометировавшими себя деятелями II Интернационала. В итоге большинство голосовало против участия в конференции.

После съезда Платтену по решению группы левых предстояло выехать в Москву для установления контакта с РКП(б). Как раз в это время там созывалась первая Международная конференция представителей социалистических партий, решивших образовать III, Коммунистический Интернационал. Однако Платтен еще ничего не знал об этом, так как в результате блокады Советской России в Швейцарию не проникали никакие сведения оттуда. С большим трудом добравшись до Москвы, он только там узнал о созыве конференции и с присущей ему страстностью принял в ней самое деятельное участие.

Прошло немногим более года после того, как Платтен покинул Петроград. И вот он снова в Советской России. Какие разительные перемены произошли здесь за столь короткий срок! В условиях невиданной разрухи, вызванной империалистической и гражданской войнами, рабочие и крестьяне приступили к созданию основ социалистической экономики. Вводился строгий порядок на производстве и в учреждениях. В области экономического строительства главное внимание уделялось учету и контролю над производством и распределением продуктов. Партия воспитывала у трудящихся сознательную дисциплину. Большое значение партия придавала развитию науки и сближению ее с производством.

Советское правительство во главе с В. И. Лениным стремилось создать все условия, чтобы способствовать

всемерному развитию производительных сил страны. Неуклонно проводилась в жизнь программа экспроприации буржуазии и превращения средств производства во всенародную собственность. Преодолевая экономические трудности, тяготы гражданской войны и интервенции, Советская власть прочно становилась на ноги.

Как истинный интернационалист Платтен радовался происшедшим изменениям. Вот государство, думал он, где люди труда работают на себя, а не на капиталистов...

Учредительный конгресс III, Коммунистического Интернационала открылся в Кремле 2 марта 1919 года в шесть часов десять минут вечера. Вступительную речь произнес В. И. Ленин.

Конгресс избрал трех постоянных членов президиума. Одним из них был Фриц Платтен — представитель левого крыла швейцарской социал-демократической партии. Дважды выступив на конгрессе, Платтен рассказал о положении в рабочем движении Швейцарии. Особое внимание уделил он анализу внутривнутрипартийной борьбы в период мировой империалистической войны и после нее. Платтен осветил вопрос о Бернской конференции социал-патриотов и ее отношении к различным течениям в социализме. Огромных усилий потребовало от Платтена участие в комиссии по составлению резолюций.

Образование III, Коммунистического Интернационала означало величайшую победу марксизма-ленинизма над реформизмом. В нем объединились все лучшие революционные силы международного рабочего движения.

Окрыленный результатами I конгресса Коминтерна, Фриц Платтен торопился на родину, преисполненный самых радужных надежд и непоколебимой уверенности в конечной победе пролетариата. Он горел желанием поскорее приступить к практическому осуществлению идей Коминтерна, рассказать швейцарскому пролетариату о важнейшем событии в истории международного рабочего движения.

24 марта 1919 года, перед отъездом домой, Платтен получил удостоверение за подписью В. И. Ленина, в котором говорилось, что предъявитель сего, швейцарский товарищ Фриц Платтен, возвращается на родину — в Швейцарию.

Все военные и гражданские власти Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в соответствии с этим документом обязывались оказывать Платтену содействие на пути его следования, предоставляя ему возможность удобного и кратчайшего проезда по территории республики и переезда через границу.

Однако, как ни спешил Платтен, ему нескоро удалось попасть домой: в Гельсингфорсе его задержала белофинская полиция и заточила в тюрьму в качестве «русского заложника».

Вскоре в Москве стало известно об аресте Платтена. Советское правительство предприняло меры с целью добиться его освобождения. В результате переговоров в начале мая Платтен был обменен на белофинского офицера и вернулся в Москву.

В это время пламя революции охватывает Венгрию. 21 марта 1919 года там была установлена диктатура рабочего класса и провозглашена советская республика.

В мае 1919 года в Москве состоялась встреча члена правительства Венгерской советской республики Тибора Самуэли с В. И. Лениным. Обратного Самуэли должен был возвращаться на самолете. И вот Платтен также решил лететь в Венгрию, надеясь, что через нее сумеет попасть в Швейцарию. Платтен обратился к советским властям с просьбой помочь ему переправиться в Венгрию. Немалых усилий стоило раздобыть самолет.

В начале июня 1919 года с одного из прифронтовых аэродромов поднялись в воздух два самолета и взяли курс на Венгрию. Вначале все шло нормально, но, пролетая над Румынией, самолеты попали в полосу густого тумана и потеряли друг друга из виду. Вскоре самолет Платтена сбился с курса. А когда туман рассеялся, летевшие с ужасом увидели, что самолет летит над самой землей, едва не задевая верхушки деревьев. А тут еще мотор стал работать с перебойми, потом зачихал и заглох. Кончилось горючее. Пролетев еще несколько десятков метров, самолёт плюхнулся на поляну, прямо на мелкий кустарник.

Вскоре Платтена уже допрашивали в ближайшем полицейском участке, а затем его по этапу доставили в крепость Жилиява, близ Бухареста.

В Швейцарии в то время прошел слух о гибели Платтена. Социал-демократическая газета «Бернер Тагвахт» 28 июля 1919 года напечатала сообщение одного итальянского корреспондента в Вене, который из беседы с Тибором Самуэли узнал, что Платтен одновременно с ним вылетел в Венгрию, но туда не прилетел и не вернулся в Россию.

А тем временем узник румынской каторжной тюрьмы подвергался неслыханным издевательствам и мучениям. Камера-одиночка, голодный паек и зверское обращение надзирателей — все пришлось испытать Платтену. «Я имел возможность, — вспоминал он позже, — познакомиться с тюремным режимом целого ряда стран, но должен сказать, что по жестокости и гнусности обращения с арестованными Жилиява превосходит все другие тюрьмы».

Тюремное начальство не особенно торопилось с окончательным определением его судьбы. Мучительно долго тянулось время. В знак протеста вконец измучившийся узник четыре раза в течение пяти месяцев объявлял голодовку, что еще больше подорвало его здоровье. Открылось кровохарканье.

Румынские власти не могли решить, как же поступить с ним. Если расстрелять — чего доброго, хлопот не оберешься. Ведь он иностранец и к тому же известный социалист. Не могли они и судить его, так как он не совершил никакого преступления против Румынии.

Вскоре подвернулся удобный предлог избавиться от Платтена, не выпуская его на волю. На юге Украины тогда орудовал Петлюра — главарь контрреволюционных националистов. Вот ему-то как своему соседу и союзнику румынские власти и передали Платтена.

Дела Петлюры в тот момент были из рук вон плохи. Его армия таяла на глазах. Насильно мобилизованные крестьяне разбегались по домам. Нередко целые полки переходили на сторону Красной Армии. «Правительство» едва успевало менять свою штаб-квартиру. Платтен попал в руки Петлюры, когда его правительство находилось в Каменец-Подольске. К тому времени под властью Петлюры оставалась узкая полоса вдоль румынской границы.

Заполучив Платтена, Петлюра задумал использовать его в своих целях. Зная, что Платтен довольно близко знаком с Лениным, атаман старался как можно быстрее поставить его на ноги. Как только Платтен окреп настолько, что мог отправиться в далекий путь, Петлюра предложил ему поехать с секретным письмом к главе Советского правительства. В своем письме не в меру самоуверенный атаман предлагал Советскому правительству заключить перемирие.

Прежде чем отправить своего пленника со столь деликатной «дипломатической миссией», Петлюра взял с него честное «джентльменское слово», что он лично привезет ответ Ленина. После некоторого раздумья Платтен согласился. «Ведь я не только ничего не теряю, — подумал он, а, наоборот, снова увижусь с Владимиром Ильичем, выслушаю его совет. Я побываю в Советской России, вырвусь на свободу».

Так в начале октября 1919 года Платтен очутился в Москве. В дороге он почувствовал себя плохо, опять началось кровохарканье. В. И. Ленин, узнав, что приехал Фриц Платтен и что он серьезно болен, позаботился о предоставлении ему места в лучшей больнице, а чтобы он не скучал там, прислал ему политическую литературу. С большой теплотой и благодарностью Платтен писал впоследствии: «Во время моей болезни товарищ Ленин — которому я, да будет мне позволено здесь указать, глубоко обязан за его всегда теплое участие при всех постигавших меня в Финляндии, Румынии и Литве ударах судьбы — проявил и на этот раз свое внимание, прислав мне злободневную немецкую литературу».

Доставленное Платтеном письмо Петлюры было рассмотрено 11 октября 1919 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В. И. Ленин сразу же разгадал маневр «самостийного» атамана и предложил не отказываться от заключения перемирия, но с обязательным условием, чтобы соглашение получило огласку.

Через несколько дней подлечившийся Платтен, верный «джентльменскому слову», отправился с ответным письмом в стан Петлюры. Выполнив свое «джентльменское обязательство», Платтен зимой 1919/20 года бежал от Петлюры в Москву. Однако и на этот раз он ненадолго

задержался здесь. Весной 1920 года внимание Платтена привлекли события в Германии. Германские социал-демократы, стоявшие у власти, попустительствовали контрреволюционным силам немецкой буржуазии, предавая интересы пролетариата. Внимательно следя за германской печатью, Платтен знал о происках в Германии реакционной военщины во главе с Каппом, готовившей военно-монархический переворот. Фриц Платтен горячо желал успеха немецкому рабочему классу в его революционной борьбе. Он решает направиться в Германию, чтобы лично принять участие в борьбе на стороне немецких пролетариев. Платтен также считал, что оттуда ему легче будет в дальнейшем перебраться в Швейцарию.

С большим трудом удалось отыскать трофейный немецкий военный самолет. Он был предоставлен в распоряжение Платтена. И вот примерно в середине марта 1920 года Платтен вылетел в Германию.

Но ему опять не повезло. Над Вильной самолет обстреляли зенитные батареи. Осколком снаряда пробило бак с горючим. Вышел из строя мотор. В результате вынужденная посадка в Ковно и снова арест. После трехмесячного заключения литовские власти передали Платтена германским властям. К счастью «капповский путч» не удался, иначе ему бы не сдобровать. Социал-демократическое правительство Германии через три недели отправило Платтена в Швейцарию.

Больше года странствовал Фриц Платтен. За это время он сидел в тюрьмах Финляндии, Румынии, Литвы и Германии, отбыв в заключении в общей сложности почти год. Когда же он вернулся домой в июле 1920 года, его и здесь сразу взяли под стражу. За ним был «старый долг» — предстояло по заочному приговору отсидеть шесть месяцев в тюрьме «за призыв к мятежу в армии» во время всеобщей забастовки в ноябре 1918 года.

Находясь в заключении, Платтен имел возможность тщательно проанализировать положение в Социал-демократической партии Швейцарии за последние годы. И он все больше убеждался в необходимости создания в Швейцарии коммунистической партии..

В связи с образованием Коммунистического Интернационала в швейцарской социал-демократической партии развернулась дискуссия: вступать или не вступать в него. Итоги ее подвел Чрезвычайный партийный съезд, состоявшийся 16—17 августа 1919 года в Базеле. Съезд одобрил предложение о присоединении к III Интернационалу.

Однако, согласно уставу, это решение ни к чему еще не обязывало партию, ибо более трети делегатов высказались за проведение после съезда референдума.

Правые приложили все силы к тому, чтобы во время референдума провалить решение съезда о присоединении к Коминтерну. И они достигли своей цели, заполучив голоса мелких провинциальных парторганизаций, а также воспользовавшись отсутствием единства в самом руководстве партии и разобщенностью левых сил.

Референдум, состоявшийся в сентябре 1919 года, дал такие результаты: за вступление в III Интернационал высказалось 8722 человека, против — 14 612.

После того как на II конгрессе Коминтерна в июле — августе 1920 года было принято 21 условие приема в III Интернационал, швейцарская социал-демократическая партия на Чрезвычайном съезде 10 декабря 1920 года голосами объединившихся правых и центристов отклонила вступление в III Интернационал.

Тогда левые заявили о своем намерении создать в Швейцарии самостоятельную секцию Коммунистического Интернационала и демонстративно покинули съезд.

Выйдя из тюрьмы, Фриц Платтен включается в борьбу с реформистами внутри партии. Он окончательно утвердился во мнении, что левым не по дороге с противниками III Интернационала.

5—6 марта 1921 года в Цюрихе собрались 145 делегатов от левых социал-демократов, называвших себя «новыми коммунистами», и 28 делегатов группы Якоба Герцога, называвших себя «старыми коммунистами». На этом собрании было провозглашено создание Коммунистической партии Швейцарии. Председателем партии был избран Франц Велти. Фриц Платтен стал секретарем партии. Партия насчитывала тогда свыше шести тысяч членов.

С первых же дней Компартия Швейцарии начала налаживать связи с массами. ЦК компартии принял решение о развертывании активной работы в профсоюзах. Фриц Платтен отдает все свои силы работе по завоеванию трудящихся масс на сторону коммунистической партии. Он возобновил поездки по стране, выступал перед рабочими, разъяснял им задачи компартии, рассказывал о Советской России, о которой готов был говорить часами.

Несмотря на большую занятость, Платтен поддерживал постоянную связь с товарищами из Советского Союза, был в курсе всех событий, происходивших в России. Он знал, что Советская Россия переживает трудный период восстановления народного хозяйства.

Как-то, беседуя с Платтеном еще в бытность его в Москве, В. И. Ленин высказал такую мысль: хорошо было бы заграничным товарищам-интернационалистам организовать в России показательные образцовые сельскохозяйственные кооперативы или коммуны, пригласив в них желающих соотечественников, чтобы на деле помочь русскому крестьянину построить новую жизнь, основанную на коллективных началах.

И вот Фриц Платтен решает сам возглавить одну из таких коммун.

Платтен беседовал на эту тему с некоторыми рабочими-металлистами. Многие из них изъявили желание войти в такую коммуну.

Связавшись в начале 1923 года с Москвой, Платтен получил разрешение организовать в СССР сельхозкоммуну, членами которой будут швейцарские граждане.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В июле 1923 года Платтен приезжает в Москву. В Наркомземе ему предложили на выбор несколько мест для устройства сельхозкоммуны. В числе других была названа и Симбирская губерния. Платтен в знак большой признательности В. И. Ленину и глубокого уважения к нему предпочел родину Ильича.

В сопровождении двух соотечественников и предста-

вителя Наркомзема Платтен осмотрел несколько национализированных имений. Взвесив все, коммунары остановили свой выбор на бывшем имении Катковых, в селе Новая Лава, Канадейской волости, Сызранского уезда. Имение это пустовало с 1918 года. Правда, незадолго перед этим здесь создали Новолавинский совхоз, но он был слишком маломощным и не мог возделывать пустующие земли. Поэтому и было решено передать все имение в распоряжение швейцарских эмигрантов.

8 августа Платтен принял по акту имение и имущество совхоза, а 15 октября на место прибыла уже первая партия швейцарцев в количестве 21 человека. Вместе с ними приехали и родители Фрица Платтена.

Вскоре кооператоры заключили с Наркомземом арендный договор. «Солидарность» — так назвали швейцарцы свою коммуну. Они привезли с собой трактор, несколько плугов, шесть пропашников, запарники, соломорезку, сортировку, картофелекопатель, сепаратор, станок для выделки колбасы, сварочный аппарат, токарный станок и многое другое, необходимое в хозяйстве. Все это они закупили в Швейцарии на деньги, которые внесли как пай при вступлении в коммуну.

Прибыв на место, коммунары приступили к ремонту жилых помещений и строительству новых домов. Подготовке жилья Платтен уделял особое внимание, так как намеревался доставить из Швейцарии следующую партию эмигрантов.

В апреле 1924 года прибыла вторая группа эмигрантов (51 человек), часть которых вскоре образовала еще одну коммуну в селе Тепловка.

На общем собрании коммунары приняли устав и единоголосно избрали правление во главе с Фрицем Платтенем. Состав коммуны был чисто пролетарский: 75% — металлисты, 15% — деревообделочники и 10% — рабочие других специальностей.

С самого начала на коммунаров обрушились невзгоды. 1924 год по всей Симбирской губернии выдался засушливым и неурожайным. И хотя в коммуне урожай был несколько выше, чем в окрестных крестьянских хозяйствах, все же Платтену пришлось обратиться в Наркомзем за долгосрочной ссудой.

Поскольку коммуна сплошь состояла из рабочих, ее деятельность получила, так сказать, индустриальное направление. В хозяйстве коммуны все большее значение приобретали паровая мельница и лесопильный завод, столярная и слесарная мастерские. Далеко окрест разнеслась слава о швейцарских рабочих-коммунарах, которые добротнo и дешево ремонтируют сельхозинвентарь, мелют муку, производят распиловку леса.

Большое внимание в коммуне уделялось также разведению племенного скота и огородничеству. Однако ведение зернового хозяйства оставляло желать лучшего. В коммуне не было агронома и других специалистов, обладавших знаниями в этой области. Они появились в коммуне значительно позже.

Швейцарские коммунары прилагали много усилий, чтобы наладить культурно-просветительную работу среди местного населения. Они организовали библиотеку. Платтен специально ездил в Москву и привез литературу для нее.

Ежегодно 27 сентября в волостном центре Канадее устраивалась осенняя ярмарка. Все окрестное население проявляло к ней исключительно большой интерес. Советские и партийные организации волости решили воспользоваться этим и устроить в 1924 году одновременно с ярмаркой сельскохозяйственную выставку для пропаганды лучших достижений коллективных хозяйств и распространения передового опыта.

Главная роль на выставке отводилась демонстрации трактора швейцарской коммуны «Солидарность». Швейцарцы готовились к выставке, как к торжественному празднику. Уже в который раз опробовался мотор, до блеска начищались все детали. И хотя трактор еще ни разу не подводил, все волновались и переживали.

Но вот настал и день ярмарки. По сигналу Платтена трактор двинулся в путь. Огромная толпа любопытных сопровождала диковинную машину. Часов в одиннадцать утра у здания выставки открылся митинг. Трибуной для ораторов служил трактор. После митинга объявили, что трактор будет показан в действии.

Вот как описывал это один из присутствовавших на выставке корреспондентов:

«После митинга показали трактор в его применении. Сначала его соединили приводом с молотилкой, и небольшая кучка снопов была быстро пропущена. Затем поехали на ближайший загон, который трактор обошел кругом совершенно свободно, оставляя за собой глубокие борозды своими четырьмя лемехами.

Народ толпой бежал за ним, затаптывая только что вспаханное. Но... нашлись и «крикуны».

— Это не штука пахать по паханому! Пустить бы его на «залог» — вот он и сел бы, — говорили они.

Это передали швейцарцам. Сейчас же они оставили загон и вдоль самой дороги, где земля действительно «убита», оставили за собой борозды еще глубже первых».

Демонстрация трактора произвела на крестьян очень сильное впечатление.

— Вот бы такую лошадку приобрести! — проговорил старик с большой окладистой бородой.

— Да где ж тут, разве это по карману одному! Поди, стоит-то дорого! — ответил ему мужик помоложе.

— Одному не под силу, а артелью можно... — задумчиво произнес старик.

О том же самом думали и другие крестьяне, и именно к этому подводила их Советская власть...

После смерти Ленина Платтен считал своим долгом быстрее исполнить пожелание Владимира Ильича, высказанное им еще в 1919 году. Он сел писать книгу о возвращении русских революционеров-эмигрантов из Швейцарии весной 1917 года. Уже в 1925 году книга вышла в свет. В предисловии к ней Н. К. Крупская писала: «Теперь, когда так тщательно собирается все, касающееся Ленина, необходимо было также собрать все документы, относящиеся к проезду через Германию.

Документы эти заботливо собраны и опубликованы в данной книжке швейцарским коммунистом товарищем Платтенем, оказавшим тогда громадную услугу большевикам.

Книга проливает полный свет на всю историю с запломбированным вагоном».

Платтен в этот период часто находится в Москве. Он все больше втягивается в политическую работу. Профинтерн, Межрабпом, Московский клуб немецких комму-

нистов — вот организации, в деятельности которых он принимал самое непосредственное участие.

Работа в этих организациях чем-то напоминала ему деятельность в интернационалистских организациях Швейцарии, когда он был секретарем эмигрантских касс.

Он ведал несколькими сельхозкоммунами из иностранных эмигрантов, участвовал в деятельности Межрабпомфильма.

В апреле 1927 года часть швейцарских эмигрантов перебазировалась в село Васькино, неподалеку от Москвы, создав еще одну коммуну. Возглавлял ее по-прежнему Фриц Платтен. В 1929 году коммуна была преобразована в совхоз. Платтен, находившийся большую часть времени в Москве, стал заместителем директора совхоза.

В 1927 году Фриц Платтен был избран комендантом клуба немецких коммунистов, помещавшегося в доме № 5 по Большой Дмитровке. Часть его членов, в том числе Платтен, не разобравшись сначала в сущности антипартийной троцкистско-зиновьевской оппозиции, примкнула к ней. Однако, поняв антиленинскую, антипартийную направленность оппозиции, Платтен уже в феврале 1928 года публично заявил о своем полном отказе от ее платформы.

К 1931 году Платтен всецело отдается работе в Международном аграрном институте. Как старший научный сотрудник отдела Центральной и Западной Европы, он благодаря своей осведомленности о положении в западноевропейских странах способствовал плодотворной научной деятельности института.

В конце 1931 года институт командирует Платтена за границу. Выполнив задание, он смог побывать и в Швейцарии. По приглашению швейцарской компартии он провел там около трех месяцев. Как и много лет назад, Платтен снова выступал перед рабочими, рассказывал об успехах социалистического строительства в Советском Союзе, о своей работе. В партийной печати он выступил с осуждением своих ошибок, связанных с поддержкой платформы троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1927 году.

По возвращении из командировки Платтен, продолжая научную деятельность, одновременно начал вести

преподавательскую работу в Московском институте иностранных языков. Он читал лекции и проводил семинары по истории Коминтерна и политической экономии. Платтен оживлял свои лекции (которые читались по-немецки) личными воспоминаниями о Ленине и о наиболее ярких эпизодах рабочего движения. Последовательный интернационалист, он воспитывал молодежь в духе международной солидарности. Свои лекционные курсы Платтен разрабатывал творчески, оригинально. Не склонный к злоупотреблению цитатами, он излагал материал просто, ярко и выразительно. Он преподавал также и немецкий язык и во время уроков устной практики беседовал с учащимися на разные животрепещущие темы: о коммунистической морали, текущей политике, о наиболее крупных явлениях культурной и общественной жизни.

Платтен много сил отдавал делу воспитания советской молодежи, видя в ней будущее великой страны, воплощающей в жизнь идеи социализма. В воспитании молодежи Платтен не ограничивался чтением лекций и уроками. Много времени посвящал он беседам со студентами, консультациям, часто рассказывал студентам о Швейцарии, о борьбе швейцарского пролетариата против эксплуатации. Веселый и жизнерадостный, Платтен нередко был застрельщиком молодежных вечеров, на которые обычно приходил с небольшим чемоданчиком в руках. Это он приносил на вечер свой выдавший виды патефон с пластинками.

Отличаясь исключительной добротой, отзывчивостью и чуткостью, Платтен часто помогал студентам (как и всем другим людям) материально и морально, горячо откликался на их запросы, горести и радости. Студенты платили ему большой любовью. Они всегда с нетерпением ожидали его лекций, занятий по языку.

Жизнь Платтена была наполнена большим содержанием. Как и всегда, он видел свое счастье в том, что приносил пользу в большом благородном деле. Он чувствовал себя нужным, а главное — видел плоды своей многолетней революционной борьбы, своего вдохновенного труда...

Вследствие произвола, имевшего место в период культа личности, многие советские люди стали жертвами клеветы и репрессий. В числе их оказался и Фриц Платтен. В марте 1938 года он был арестован и в 1942 году умер.

Исторические XX и XXII съезды Коммунистической партии Советского Союза полностью развенчали культ личности Сталина. Были восстановлены и получили дальнейшее развитие ленинские нормы партийной и государственной жизни. Была восстановлена добрая память о тех, кто безвинно стали жертвами произвола в период культа личности. И снова в ряду славных имен деятелей международного коммунистического и рабочего движения засияло имя замечательного борца за счастье трудящихся, коммуниста Фрица Платтена. Советские люди бережно хранят светлую память о нем.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало пути	3
Рядом с Лениным	14
Правда о «запломбированном» вагоне	35
Борьба продолжается	52
В Советском Союзе	72

Оригинал-макет брошюры
подготовлен на печатно-кодирующем устройстве
ВНИИПП Министерства культуры СССР

Иванов Алексей Ефимович.

ФРИЦ ПЛАТТЕН. М., Госполитиздат, 1963.

79 с.

ЗКИ(092)

Редактор *Ю. Егоров*
Художник *В. Быковский*
Художественный редактор *С. Сергеев*
Технический редактор *О. Семенова*

Сдано в набор и печать 24 июля 1963 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2¹/₂. Условн. печ. л. 4,1. Учетно-изд. л. 3,96.
Тираж 55 тыс. экз. А-07424. Заказ № 526. Цена 9 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление целлюлозно-бумажной
и полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

9 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ - 1963